

Олег Игоревич Ёлшин

Anthropos phago

Текст предоставлен правообладателем

Anthropos phago:

ISBN 978-1-329133-82-2

Аннотация

Мир скатывается в пропасть. По центральным площадям Европы шагают Гей-парады, бесчинствующие ультрас устраивают погромы, раздетые девицы танцуют в соборах и церквях. Митинги и демонстрации, революции всех мастей и цветов, войны, перевороты и передел земель, кризисы, эпидемии и катастрофы. Что это – случайность или роковая закономерность, чудовищная цепь событий, спланированная и претворенная в жизнь. Что происходит? Когда это началось? Как?

Молодой начинающий журналист вынужден отвечать на эти вопросы. Поневоле он становится соучастником и свидетелем, а есть свидетели, с которыми не церемонятся. Его жизнь стирают в одночасье, он теряет семью, работу, теряет все, что у него есть. И теперь выход только один – он должен рассказать правду...

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Олег Ёлшин

Anthropos phago

*Культура – это лишь тоненькая яблочная
кожура над раскаленным хаосом.*

Фридрих Ницше

Часть 1

1

Старик сидел на скамеечке в парке и лениво нежился в лучах полуденного солнца, которое щедро палило, согревая его дряблое лицо и, покрытые тонкими черными жилами, морщинистые руки. Была ранняя осень. Первая желтая листва уже начала появляться на редких деревьях, которые загодя готовились сбросить это шелестящее покрывало, отдавая дань наступающей зиме и смене времени года. Скоро польют дожди, потом, если до этих мест ненадолго доберется стужа, редкие снежинки закружатся веселым хороводом, укрывая все белым мягким покрывалом, но пока было очень тепло, старик, словно ловил каждое мгновение уходящего лета. Он сидел и о чем-то думал, глядя по сторонам. Вокруг сновали люди, не обращая на него внимания, но ему было все равно. Взгляд его был отрешенным, потухшим. Казалось, вжавшись в скамейку, он останется здесь навсегда и будет трепетно ловить свежий воздух, пока не превратится в статую, большую и величественную, невозмутимо взирающую по сторонам. Ее будет обдувать ветрами, поливать холодным дождем, леденить равнодушным морозом и она замрет наве-

ки бескровным изваянием. Но все это произойдет потом...

К скамейке тем временем подошла небольшая компания, состоящая из двоих детей, мужчины лет тридцати и молодой симпатичной женщины. Дети в нетерпении тянули взрослых за собой. Все происходило в парке аттракционов, и сидеть на скамеечке очевидно они не собирались. Их требовательные восклицания то и дело оглашали спокойный уголок парка. А вдалеке кружились карусели, с сумасшедшей скоростью друг за другом мчались вагонетки волшебной железной дороги. Преодолевая неровности пути, они то взмывали к небесам, то неслись, покачиваясь из стороны в сторону, делали головокружительные виражи, и люди, опьяненные восторгом, наконец возвращались на землю. А тут какая-то скамейка в парке и прилипший к ней старикан. Нет! Только не это! Нет!

Наконец уставшие родители сумели заставить непокорных отпрысков съесть по огромному бургеру, и мама, переведя дух и взяв их за руки, повела за собой, а отец, оставшись охранять детские рюкзаки, развалился на скамейке. Наконец он мог отдохнуть от безумного дня. Достав газету и, жуя бутерброд, какое-то время он молча читал. На старика он внимания не обращал. Да и зачем ему нужен был какой-то старик? Наконец, почувствовав на себе чей-то взгляд, с удивлением обернулся. Пожилой господин смотрел на него со всем вниманием и чего-то хотел.

– Замечательно! – вдруг воскликнул он.

– Простите?

– Замечательная осень, не правда ли? – произнес тот и окинул взглядом парк. Очевидно ему хотелось поговорить.

– М-да! – неопределенно протянул мужчина и снова уткнулся в газету. Говорить о погоде ему не хотелось.

– У вас славные дети. Сколько им? – вновь услышал он.

– Дочери шесть, а сыну девять.

– Замечательные дети! Спешу поздравить – у вас чудесна семья.

– Спасибо, – и уже внимательнее посмотрел на собеседника.

– О чем пишут в сегодняшней прессе?

– Так, – уклончиво ответил он, – разное.

Хотел было продолжить чтение, но старик задал еще один вопрос:

– Светские сплетни, всякие мерзости?

– Простите? – не понял он.

– Мерзости, мерзости, – зло повторил старик и уставился куда-то вдаль.

– Почему же... Новости дня, так сказать, аналитика, биржевые сводки, погода.

– Я и говорю, мерзости. Все, кроме погоды – дьявольский вздор.

– Вы не любите читать газеты?

– А вы?

– По роду деятельности я журналист и, отчасти, это явля-

ется моей работой, – гордо ответил тот.

– Журналист! – безглаголиво повторил старик и вдруг громко воскликнул:

– Читайте!

– Что? – удивился мужчина.

– Все подряд. Заголовки, сводки, первые строки репортажей. Любую мерзость! Читайте же!

– М-да?

– Да! Да!

– Извольте... Неделя началась с прорыва осады горы Синдхар...

– Где это?

– Афганистан! – снисходительно произнес журналист.

– Дальше.

– Американскому заложнику в Ираке отрезал голову британский рэпер.

– Замечательно! Еще!

– Снова сирена в Эшколе. Три ракеты разорвались на открытой местности, одна на территории поселка... Это Израиль, – пояснил он и продолжил. – С момента начала конфликта погибли около 2 тысяч человек.

– Прекрасно! Давайте дальше!

– Лихорадка Эбола унесла уже девять тысяч жизней.

– Дальше!

– В Амстердаме состоялся Гей-парад...

– Отлично!

– Артобстрел донбасского городка Зугрес армией террористов навсегда изменил жизнь 15-летней девочки. На её глазах ужасной смертью погибли несколько человек. Она попала под обстрел на людном речном пляже и стала свидетелем гибели детей и взрослых. Одному ребенку оторвало голову.

– Какая прелесть. Зугрес? Где это?

– Где-то на Украине, – равнодушно ответил мужчина.

– Вам это интересно?

– Конечно, это ужасно! Но не стоит так беспокоиться и придавать этому столько значения, все происходит далеко отсюда. Терроризм – это всегда ужасно, – и улыбнулся.

– Далеко отсюда, – пробормотал старик. – Оторвали голову где-то далеко отсюда... А всего пару месяцев назад на том пляже люди и представить себе не могли, что такое война. Но прошло совсем немного времени и вот – оторвали голову.

– Читать дальше?

– А хотите я вам прочитаю новость, которую очень скоро напечатают в этой газетенке?

– Попробуйте! – засмеялся мужчина.

– Старик взял из его рук газету, уставился в нее, словно читал текст, и начал шевелить губами:

– В парижском парке развлечений во время бомбежки армией боевиков были убиты дети. Двое из них были совсем маленькими. Девочка лет шести и мальчик девяти. Совсем еще юные создания. Мина разорвалась неподалеку и они по-

гибли от одного осколка, который поразил их крошечные тела...

– Прекратите! – в ужасе воскликнул мужчина, вырывая у старика газету. – Так не шутят!

– А я не шучу! – спокойно произнес старик. – Кто вам сказал, что я шучу?

– Но это бред!

– Заметьте, еще пару месяцев назад люди, купаясь с той реке, даже представить не могли подобного. Тем детям на пляже тоже совсем недавно казалась такая новость бредом.

– Это произошло в далекой стране, в тысячах километрах отсюда, в какой-то глуши, на краю света! Но здесь Париж, сердце Европы! Париж – вы понимаете? Такое здесь невозможно! Такое неуместно. Вы сошли с ума!?

– От немыслимого до обыденного и привычного, вызывающего зевоту, совсем недалеко. От невозможного до возможного – лишь несколько шагов, – проскрипел старик.

– Что вы такое говорите?

– Скоро вы все увидите собственными глазами, – он встал, собираясь уйти, потом тихо пробормотал, – таков их план, – и в отчаянии добавил, – это я оторвал голову тому несчастному ребенку.

– Кто вы? – прошептал мужчина, прижимая к себе детские рюкзаки.

– А вы не знаете? – и вдруг повернулся. Он смотрел на него колючим взглядом и зло улыбался.

– Я... Мне... Кажется, я где-то вас видел.

– Конечно, видели. Еще бы... Кто же меня не видел?...

– Но было это... так давно. Этого не может быть! Тому, кого вы мне напоминаете, сейчас должно быть...

– Сто?!.. Иногда я думаю, что мне уже лет двести. А может быть триста...

– Это вы?

– Центр Европы – говорите? Скоро! Очень скоро! Поверьте на слово...

– Простите! – услышал старик. Он успел отойти на значительное расстояние, потом обернулся, увидев перед собой мужчину, того журналиста, отца замечательного семейства, который стоял перед ним, сжимая в руках два детских рюкзака. Газета нелепо торчала у него из кармана пиджака. Лицо было перепачкано майонезом от отвратительного бургера, которым он с удовольствием недавно давился. Его дети сейчас катались на карусели, не думая ни о чем, а он, позабыв о них, зачем-то бросился вдогонку за этим безумцем, и теперь в нетерпении стоял, переминаясь с ноги на ногу и, молча, с восторгом глядел, не в силах скрыть возбуждения.

– Слушаю вас? – спросил старик.

– Я... Мне... Ради бога, только не уходите. У меня к вам небольшая просьба. Могу ли я...

– Нет!

– Конечно, я слышал! Я знаю, что вы не даете интервью...

– Никогда и никому. За всю свою жизнь я ни разу не дал интервью, – сухо ответил тот.

– Но... Не пора ли изменить правило и приоткрыть завесу? – нагло спросил журналист, и по этой фразе можно было понять, что он профессионал, знает свое дело хорошо и готов на все.

– Вы готовы на все? – вдруг спросил старик.

– Простите? – удивился тот. – Ах, конечно! Редакция моей газеты непременно вас отблагодарит! Это входит в наши правила! За интервью с такой личностью они заплатят сумасшедший гонорар, не сомневайтесь!

Старик улыбнулся и снисходительно произнес:

– Вам это дорого обойдется.

– Наша редакция...

– Дело не в редакции, – спокойно перебил тот, потом прищурился и уже внимательно посмотрел на него своим холодным взглядом. А журналист с трепетом ждал. Он знал, что это интервью может перевернуть всю его жизнь, карьеру, сделать знаменитым, вознести к небесам. Такой шанс бывает лишь один раз в жизни, да и то не у каждого репортера, а тут такая удача. Старик тем временем молча на него смотрел, о чем-то думая. По его взгляду невозможно было понять – о чем. Он застыл, как изваяние, ничто на его лице не шевельнулось, а журналист не мог вымолвить ни слова – сейчас решалась его судьба. Пауза затянулась. Потом старик перевел взгляд в сторону парка, откуда раздавался неудержимый

детский гомон и музыка, снова взглянул на него, вдруг произнес:

– Даже не думайте. Не стоит играть в эти игры, юноша.

– Но...

– НЕТ! Ступайте к детям и жене, у вас замечательная семья. И не дай вам бог.

Сказав это, повернулся и его высокая фигура начала медленно исчезать вдалеке, а молодой мужчина продолжал обескуражено стоять, с сожалением глядя ему вслед.

2

– Ты не представляешь, кого я только что встретил!

Они уже сидели в машине, возвращаясь домой. Дети прикорнули на заднем сидении, и теперь он спешил поделиться с женой невероятной новостью.

– В парке развлечений? Кого? Спящую красавицу или Снегурочку? – и она устало засмеялась.

– Жоан, не ту и не другую. Ты не согласишься – Рональда Дойла! – и он гордо на нее посмотрел. – Я почти взял у него интервью!

– Кто это, Франк? – равнодушно спросила она.

– А ты не помнишь?

– Нет, – неуверенно протянула она.

– Ты не помнишь человека по имени Рональд Дойл? Великий американский писатель! Он написал...

– Да! – вскрикнул она, – помню... Написал книжонку с идиотским названием – “Когда ты свободен”... Ты сошел с ума!? – вдруг прошептала она. – Эта книга была написана лет эдак... сто назад, ... а может и тысячу! Этот Дойл разменял уже не один век!

– Поражаюсь твоей эрудиции, Жоан! Он написал ее... году эдак в... 60-том.

– Какого столетия?! – засмеялась она. – Ты взял интервью у покойного классика? – и она снова залилась задорным смехом.

– Прошлого! Я точно тебе говорю. Я закончил журфак – не спорь со мной...

– Не может быть. Люди столько не живут. Ты в каком аттракционе милый побывал, пока мы катались? В зале с привидениями?

– Глупая женщина! Ну, ничего не понимает! – возмутился он. – Этому Рональду сейчас должно быть...

– Сто лет! – уже хохотала она.

– Тьфу...

Вдруг с заднего сидения послышался разумный голос мальчика:

– Рональд Дойл. Автор бестселлера – “Когда ты свободен”, написанного в 1950 году. Это единственный роман писателя, прославившего его на весь мир. Родился он в 1927 году в городе...

– Откуда ты это знаешь? – недоуменно повернул голову

отец.

– Откуда? Оттуда! – гордо заявил сын, – а кто-то не хотел покупать мне планшетник.

– Понятно, – пробормотал отец, а мать вдруг спросила:

– А второй даты там нет?

– Какой – второй? – не понял сын.

– Ну, второй. Которая пишется через черточку.

– Нет, – проворчал мальчик. Никаких черточек тут нет. Это же Википедия! Здесь все четко!

– Никаких черточек, – пробормотала Жоан.

– Значит сейчас ему... восемьдесят семь лет! – воскликнул Франк.

– Восемьдесят семь, – тихо повторила она, вдруг произнесла:

– А что значит – “почти”?

– Почти?

– Да! Ты сказал, что взял у него интервью “почти”. Это как?

Франк тяжело вздохнул, потом признался:

– Никак...

– То есть?

– Никак и все... Это совершенно безумный человек. Интервью он не дает и говорить с ним бесполезно.

– Как? Ты журналист от бога! Ты работаешь в уважаемой газете и не смог взять интервью! Но почему? Это же был наш шанс!

– Знаю! – зло перебил ее муж, – и не кричи, самому тошно.

– Ты профи! Но почему?

– Потому! – попытался осадить он ее.

– Возвращайся! – выкрикнула она.

– Он ушел.

– Мы догоним его! Старик не мог уйти далеко.

– Нет! Да и говорить с ним бесполезно – он в маразме.

– Ты сам в маразме!

– Жоан! Мы здесь не одни! – сурово заявил отец семейства.

– Прости, дорогой, – прошептала она. – И все же...

Она на мгновение задумалась, потом спросила:

– Этот тот высокий старик, который сидел с тобой, когда мы несколько раз проходили мимо? Он еще читал газету.

– Да.

– Ты должен его найти!

– Где?

– Я видела его раньше! Я точно помню – в прошлые выходные, когда мы были в парке без тебя, он сидел на той же скамейке. И, по-моему, месяц назад видела его там же. Это его скамейка! Он приходит туда постоянно. Такое у стариков бывает. Ты должен его найти, у тебя все получится.

– Полный бред... Хотя, почему бы и нет? Попробую... Только он напомнил мне совершеннейшего идиота – нес полную чушь.

– Это не важно, – разумно сказала жена, а сын вдруг спросил:

– Папа, а почему он написал только одну книжку? Он же потом так долго жил?...

– Потому что идиот, – пробормотал отец, потом поправился, – я хотел сказать, что бывают книги, которых хватает на целую жизнь.

– Как это?

– Так бывает, малыш. Этот человек слишком рано выполнил свою миссию.

– А что такое миссия?...

Отец не успел ответить. Внезапно перед ними возник автомобиль. В этот момент они ехали в тоннеле, где перестраиваться было запрещено, но тот, словно нарочно вынырнул из соседнего ряда и резко притормозил. Столкновение казалось неизбежным. Франк, что было силы надавил на педаль тормоза, машина резко завизжала колесами, и тут они почувствовали удар. Кто-то не смог справиться с управлением, остановиться и врезался сзади. Их отбросило вперед, еще немного и автомобиль замер посреди тоннеля, а внезапное препятствие – тень, которая возникла на пути, так же неожиданно исчезла...

Какое-то время они приходили в себя.

– Все целы? – наконец вымолвил Франк.

– Да, – услышал он голоса детей.

– Он нарочно нас подрезал! – воскликнула Жоан.

– Молчи, – отозвался Франк.

– Папа, а в этом тоннеле погибла Диана? – вдруг спросил любопытный сын.

– Да, – пробормотал отец, – едва ли не в этом месте...

– Она тоже выполнила свою миссию? – спросил он, но отец ему не ответил...

3

Франк несколько дней подряд приходил в то место, где впервые повстречал Дойла. О странной истории, произошедшей с ним в тоннеле, он быстро забыл, доверив всем заниматься страховой компанией, и теперь добирался сюда на метро. В редакции он сказал, что готовит репортаж. Деталей объяснять не стал, а поскольку инициативы репортеров издательством, как правило, приветствовались, ему не стали задавать лишних вопросов. И вот, как на работу, он снова и снова приезжал сюда, бессмысленно ожидая часами, но старик все не появлялся. В его кармане помещалась небольшого размера книга под названием “Когда ты свободен”. Он без труда нашел ее у себя. Читал он ее давно, и теперь, просиживая в ожидании на скамейке, с любопытством перелистывал, недоумевая, почему она была так популярна в далекие пятидесятые. Читают ли такое сегодня? Может быть. В любом случае, чуть ли не в каждом доме она найдется на книжной полке. Снова раскрывал ее и снова ждал, оглядываясь по

сторонам, но Дойла все не было. Так прошло несколько дней. Наверное, жена что-то перепутала!

Уже думал отказаться от этой затеи, но в субботу на всякий случай в последний раз решил вновь появиться здесь. Детей брать не стал – моросил дождь и народу в парке было немного.

И зачем столько времени потерял? – недоумевал он, поглядывая на часы и жалея, что забыл дома зонтик. Так просидел целый час, уже потеряв всякую надежду. Если писатель раньше и приходил сюда, в такую погоду он не появится точно. Собираясь уйти, вдруг заметил высокую фигуру. Это был Рональд Дойл! Старик медленно приближался, наконец подошел, присел на мокрую скамейку и замер. Франк какое-то время молчал, а сердце его учащенно билось.

– Замечательная осень, не правда ли? – наконец жизнерадостно воскликнул он.

– М-да? – удивленно протянул Дойл. Потом пробормотал:

– Отвратительная!

– У вас славная книга! – продолжил Франк. Дойл повернул голову и почему-то зло посмотрел.

– Снова вы? – жестко спросил он.

– После нашей встречи я несколько дней перечитывал этот шедевр и вот, только что закончив, снова встречаю вас! Это провидение, месье... Простите, мистер Рональд. Это судьба!

Франк вел себя нагло и вызывающе. Он должен был заво-

евать внимание старика.

– Юноша, вы мне надоели. Идите к черту! – ответил тот.

– У вас замечательная книга! Что бы вы сейчас не говорили, мое впечатление от нее не изменится, скорее усилится! Вы гений и можете позволить себе все!

Теперь Дойл внимательно на него смотрел о чем-то думая. Он не сводил с него глаз, но молчал. В этот момент Франк понял, что одержал маленькую победу. Еще немного и старик начнет отвечать на его вопросы. Собственно, он уже произнес несколько слов этого удивительного интервью. Сейчас он его разговорит, сделает на телефон несколько кадров, и неплохой гонорар будет в кармане. Можно будет слетать с семьей на острова, где еще тепло. А школа у сына? Школа подождет. Не так часто в последнее время удавалось вырваться из столицы. Оставалось только старика дожать...

– Это шедевр! На самом деле – это непостижимая вещь! Ваш роман написан полвека назад, но до сих пор оставляет неизгладимое впечатление.

– Вам действительно нравится мой роман? – вдруг услышал он и писатель взял из его рук книгу.

– О! Конечно, сер! Это, ... как вам сказать... (Старик был у него на крючке. Франк ликовал. Еще немного и он заглотит наживку целиком!)

– Это уникальная вещь! Это классика, проверенная столетием. Пройдет немного времени и мои дети, ... их поколение, а я в этом абсолютно уверен, с таким же восторгом бу-

дут ее читать! Это великий роман... Роман на все времена!

– Вы идиот? – вдруг тихо, сочувственно спросил старик.

– Простите? – такого он не ожидал.

– Не прощу! – уже громче добавил тот. – Вы хотите сделать и ваших детей идиотами? – с этими словами он бросил книгу в урну.

– Но...

– Юноша, предупреждаю в последний раз, не играйте со мной в эти игры. Не дай вам бог! И сделайте так, чтобы я больше вас не видел.

Он встал и медленной статной походкой начал удаляться, напоминая изваяние, огромную мраморную статую, которая немного покачиваясь, почему-то не падала, шла по парку, передвигая мраморные ноги. Но Франк кинулся вдогонку. Он не мог просто так отпустить Рональда Дойла. Он должен был его догнать. Слишком долго он ждал своего шанса и наконец дождался.

– Неплохое начало для интервью! – семенил он рядом. – Еще несколько слов для нашей газеты! Пожалуйста! Читатели ни в чем не виноваты! Они снова хотят видеть вас, они помнят о вас, любят! – и Франк начал фотографировать. Старик остановился.

– Вы помните того ребенка, которому оторвало голову? – вдруг спросил он.

– Да... да... помню...

– Хотите повторить его судьбу?

– Нет... То есть, да... Если за интервью с вами я потеряю голову, меня это устроит!

– Вы готовы на все?

– ДА!

Франк ликовал.

– А вы действительно идиот, – прошептал старик, – пожайте хотя бы своих детей.

– И еще несколько слов нашей газете!

– За слова нужно отвечать, юноша. Мне вас очень жаль. Прощайте!

Больше Франк его не останавливал. У него было несколько фотографий, была запись на диктофоне тех слов, которые писатель успел произнести, и каждое из них было на вес золота, а значит, у него было интервью с самим Рональдом Дойлом – гениальным писателем, полвека назад написавшим книгу “Когда ты свободен”.

4

Вернувшись домой, Франк почувствовал себя больным. Ломило спину, поднялась высокая температура. Жоан дома не было. На выходные она с детьми уехала к родителям в пригород Парижа и обещала вернуться через два дня. Он не стал говорить ей по телефону о своих злоключениях и выходные провалялся дома. Он не знал, какие нужно принимать таблетки, был в этом вопросе совершенно беспомощ-

ным, поэтому лечился горячим красным вином с выжатым лимоном. Но утром в понедельник сполз с кровати, наскоро одевшись и выпив кофе, неверной походкой отправился в редакцию. Все тело ломило, в голове стоял непрерывный шум, его болтало из стороны в сторону, но в сумке лежал материал, который он торопился отнести в газету, поэтому, собрав остатки сил, нес свою драгоценность, крепко сжимая в руках.

– Рональд Дойл? – с удивлением встретил его шеф. – Ты не ошибся? Этот человек ушел из жизни десять, ... может быть, тридцать лет назад! Черт его знает – когда! – он уже хохотал. – Говорят, с ним случилась какая-то неприятность – то ли пропал без вести, то ли покончил с собой. Короче, ушел твой незабвенный Рональд инкогнито, по-английски. Может, ты еще Элвиса Пресли разыщешь и возьмешь у него интервью?

До него едва доходили слова главного редактора. Он ничего не понимал, едва не падая с ног.

– А, что за фотографии? Франк, это непрофессионально – ужасная видимость. Если даже твой Рональд жив – мы не сможем подобное качество и эти факты предложить нашему читателю. Это китч! Дурной тон! Нас засмеют.

И тут начался кошмар.

– Кстати, Франк... Ты неплохой журналист, мы с тобой знакомы не один год, но... понимаешь. Наша газета провела сокращение. Короче... Ну, ты понимаешь. Издание принад-

лежит не мне. Я ничем не смог тебе помочь. Увы, ты в черном списке...

Он уже падал с ног, но сквозь туман слышал последние слова редактора:

– Дружище, ты непременно найдешь себе другое место... Ты профессионал – проблем у тебя не будет. Ступай, получи небольшой выходной транш – на пару месяцев хватит. Привет Жоан. Она у тебя прелесть! Привет малышам! Оревуар!

В полуобморочном состоянии он вышел из редакции и направился, куда глядят глаза. Потом зашел в аптеку и купил аспирин, в каком-то баре принял таблетку и другую, запив бокалом вина. И другим бокалом, и третьим, потом добавил виски и отправился домой. Вечерело, Жоан уже должна была вернуться. Он с трудом поднялся на третий этаж и позвонил в дверь, но в ответ тишина. Звонил снова и снова, но никто не отвечал. Попытался открыть замок ключом, но дверь была заперта изнутри на защелку. Он ничего не понимал! Может с Жоан что-нибудь случилось! А дети? Они тоже должны быть сейчас дома! Вдруг на полу заметил сумку, с которой обычно ездил в командировки. Та была полна, словно ее собрали в дальнюю дорогу. Он снова начал звонить и колотить, и стучать в злополучную дверь, которую почему-то никто не хотел открывать. Тогда он начал кричать.

Дверь внезапно открылась, откуда появилась рука Жоан, которая сжимала конверт. Он только успел взять его, как дверь вновь захлопнулась, а из конверта на пол посыпались

фотографии. Несмотря на ужасное состояние, на мгновение пришел в себя, сообразив, что это дешевая подделка. Он знал технологии, он работал в издательстве! Франк впервые видел женщину, с которой был изображен на фото. Это было ужасно. Такое было невозможно! Он не любил блондинок! Он никогда не лег бы в постель с такой! Зрелище было отвратительным. Его тело было собрано фотошопом из отдельных частей: руки, лицо принадлежали ему, остальное неизвестной особи мужского пола, которая занималась сексом со своей белокурой подругой. Как Жоан поверила в такое!? Как она могла? Он снова начал колотить в дверь, потом услышал ее спокойный голос:

– Если ты не уйдешь, я позвоню в жандармерию.

– Звони!

– Хорошо, – снова очень спокойно ответила она.

Он ушел, не дождавшись ажанов, долго бродил по вечернему городу, потом по ночному. Наконец оказался в незнакомом отеле. В его чемодане предусмотрительно была положены документы и кредитная карта – Жоан позаботилась обо всем. Спать не хотелось. Немного придя в себя, он отправился в бар, потом в другой, в третий... Очнулся утром в номере, в смятой постели, где рядом лежала полуголая девица. Она была блондинкой и невероятно напоминала ту – с фотографий из злополучного конверта. В руках она держала, разглядывая, уже новые фотографии, а на них снова был он (уже настоящий он) и она. Опять белый туман и Франк

провалился в темноту...

Когда очнулся, посмотрел на часы – было шесть утра среды. Где провел полтора дня, он совершенно не помнил, только тупая боль в голове и непрерывный гул в ушах. Кредитная карта исчезла, девица тоже, остались только фотографии на подушке. Они были откровенными и, что самое ужасное, подлинными. Больше Жоан не обманывалась – теперь все становилось правдой. Посмотрел в окно. Там начинался новый день, который нужно было как-то прожить, а завтра еще один и еще. День был темным, даже черным, безрадостным, без признаков жизни, света и солнца. Без признаков тепла. Как он не любил просыпаться в темноте, но такой день для него наступил...

5

В номер постучали, потом зашла горничная.

– Простите, месье, у вас номер оплачен до 10 часов утра. Уже начало одиннадцатого. Мне нужно успеть убрать – скоро он будет сдан другому.

Франк хотел сказать, что будет продлевать бронирование, но вспомнил, что карточка исчезла, а в кармане осталось совсем немного денег, которых хватит лишь на пару чашек кофе и какую-то ерунду. Остальные деньги куда-то исчезли. Он замер, не зная, что ему делать.

– Вы хотите продлить номер?

– Нет... Нет, не хочу... Сейчас я уйду... Простите, а кто та женщина, которая была позавчера со мной в этом номере, – вдруг спросил он.

– Вы хотите узнать это у меня? – и девушка улыбнулась.

– Может вы ее видели в отеле раньше?

– Здесь бывает много таких женщин, месье.

– Да, вы правы. Простите.

– Ничего, я зайду позже. Спокойно собирайтесь – у меня еще есть немного времени, я подожду, – и она ушла.

Через полчаса он был в банке. Нужно было восстановить кредитную карту. Нужно было как-то восстановить свою жизнь, за что-то уцепиться, а без цента в кармане ничего в голову не приходило. Последнюю мелочь он оставил в бистро. Хватило лишь на круассан и чашечку кофе. Несколько Евро! Увы, Париж – город дорогой!

Его встретила знакомая операционистка:

– Месье Франк, не расстраивайтесь. Посидите несколько минут, я все сделаю. Это лишь маленький кусочек пластика, все будет хорошо, – приговаривала она, вводя в компьютер его данные. А он в нетерпении стоял рядом, соображая:

Нужно снять деньги, нужно вернуться в отель... или найти другой, оставить там сумку, принять душ, собраться с мыслями и решить, что делать дальше. Что дальше?... К Жоан! К детям! Он должен ей все объяснить...

– Сейчас я сменю пароль, ликвидирую старую карту и активирую новую. Еще пару минут, месье Франк. Сейчас я все

восстановлю!..

Потом нужно будет позвонить старому другу, который работает в другом издательстве. Как-то он звал его туда. Газетенка – не бог весть какая, но на первое время будет работа. Нужно себя поддерживать! Но главное – Жоан!..

– Все готово, мистер Франк. Распишитесь здесь... и здесь. Ваш паспорт?

С ужасом понял, что забыл его дома или потерял. Нащупал в кармане водительское удостоверение.

– Ничего страшного, можно и права, это пустая формальность! – улыбнулась девушка.

– Все? – нервно спросил он.

– Да! – приветливо отозвалась она. – Больше не теряйте, – и протянула ему новую карту.

– Я хочу снять некоторую сумму. Это можно сделать у вас или в банкомате? – в нетерпении спросил он.

– Можно и у меня. Сколько?

Он не успел ответить, как она произнесла:

– Семнадцать центов?

– Почему? – недоуменно воскликнул он. Сейчас ему было не до шуток.

– На вашем счете росно семнадцать центов.

– Как? – ничего не понимал он. – Там должно находиться больше десяти тысяч Евро!

– Не волнуйтесь, – засуетилась она, – какая-то ошибка, сейчас все выясним, – и скрылась в дверях. Очень скоро вер-

нулась. Она улыбалась, и у него отлегло от сердца.

– Все в порядке? – спросил он.

– Конечно! – отозвалась она. На вашем счете действительно находились 12452 Евро, но вчера вы перевели всю сумму на некий счет, оставив лишь 17 центов. Совершили удачную покупку? – порадовалась она.

– Куда? – уже кричал он, – куда я их перевел? У меня эти деньги украли!

– Сейчас уточню, – испуганно прошептала девушка и снова исчезла. Через некоторое время появилась вновь:

– Вот банковская выписка, – протянула она бумагу, – там все указано.

– Что это за счет? – пробормотал он. Она взяла из его рук выписку и прочитала:

– Перевод совершен на счет..., – вдруг покраснела, засмеялась, – ой, простите! На счет “Общества в поддержку гомосексуальных меньшинств”, – и уже серьезнее добавила, – вот в уголочке помечено. Вот здесь. Смотрите же. Все правильно? Мистер Франк, все верно? – и замолчала, с сожалением глядя на этого молодого красивого мужчину, потом снова прыснула и отвернулась. В эту же минуту к ним подошла старшая по залу.

– Жанна, что ты себе позволяешь? Месье Франк, простите ее! Ох уж эти молодые сотрудницы – никакой толерантности, культуры, никакого такта! “Общество в поддержку гомосексуальных меньшинств” – уважаемая организация!

А люди, находящиеся в зале, уже с интересом на него смотрели.

– Месье Франк, наш почетный клиент! Работает в солидном издании! Ты ведешь себя, как извращенка! Простите ее! У вас еще есть какие-нибудь вопросы? Я могу вам помочь?! – без остановки тараторила она.

– Нет! – Франк выхватил карту и выбежал на улицу.

Кто-то стирает его жизнь! – стучало у него в висках.

6

Он не понимал, что с ним происходит. У него не было врагов, несколько лет он выполнял скромные обязанности журналиста в престижной газете, была прекрасная семья, квартирка, небольшой счет в банке и никаких проблем. Он никому не переходил дорогу, не уводил чужих жен, не занимался бизнесом, не лез на рожон, проводя рискованные расследования – только выполнял рядовые поручения редакции и не более того. Но то, что произошло за последние дни, не укладывалось в голову. Все это не могло быть случайностью, было кем-то тщательно спланировано, осуществлено и сделано чудовищно быстро, жестоко, а главное, профессионально. Но кому он был нужен?

Теперь Франк мучительно соображал. А еще ему казалось, что та встреча с престарелым писателем имела к этому отношение. Что за ерунда? Разве может интервью, тем более

несостоявшееся, быть тому причиной? Да и нет давно в живых того Дойла – ему же об этом говорили. Значит, он обидел какого-то важного господина? Допустим. А тот оказался большой птицей? Допустим. Большой и мстительной. Ну и что? Какая-то ерунда. Он ничего не сказал ему такого, что могло бы покоробить его самолюбие. Они просто говорили о книге, о литературе, о погоде, черт возьми! Правда, тот не скрывал – кто он такой. А если это был Дойл? Ну и что? Что он сделал ему плохого? Тогда, как все это можно объяснить? Если это был настоящий Дойл – разве может пожилой человек устроить подобное? Зачем? Ради чего?

Франк сходил с ума.

Дальше события развивались стремительно. Он позвонил старому приятелю, работавшему в издательстве. На его вопрос о работе получил ответ, что свободных вакансий нет, сейчас кризис и газета на пороге разорения. Потом, с ужасом глядя на телефон, батарея которого уже почти разрядилась, начал звонить всем подряд, пытаясь занять денег. На его просьбы получал простые ответы:

Увы!.. К сожалению... Я в отъезде... Получка через неделю... На прошлой неделе купил машину... Горит оплата кредита...

В ужасе понял, что в этом огромном городе у него не было друзей. У него не было совершенно никого, к кому бы он мог обратиться! Никого, кроме Жоан! Какой кошмар!

Он набрал ее номер.

– Больше сюда не звони, – услышал он ее спокойный голос, – и забери свои вещи.

Сказав это, она повесила трубку.

На юге в Провансе жила престарелая мама, но обращаться к ней с подобной просьбой было бы самоубийством. Та начала бы задавать множество вопросов, не понимая, почему ее сын, сотрудник уважаемого издательства, муж, отец двух детей, шатается по улицам, не зная, что ему делать и куда идти, что есть, где ночевать, как начинать завтрашний день...

НЕТ! Только не это!

Пока он рылся в записной книжке телефона, тот, издав прощальную трель, вежливо написал на экране – “До свиданья” и потух. Заряд батареи иссяк. С этой минуты он был отрезан от мира, предоставлен самому себе, выброшен в этот город, который с безразличием на него взирал. Франк был ему не интересен. Да и мало ли бродяг шатается по его улицам!

– Бродяг! – подумал он. – Вот он и стал бродягой! Обыкновенным клошаром! Как можно стереть жизнь человека всего за два дня в столице великой страны, в цивилизованном обществе! Как оказывается просто это сделать! За что цепляется наша жизнь? За пластиковую карту. За квадратные метры, которые принадлежат жене. За жену, которая увидев фальшивку, выбрасывает тебя на улицу. За работу, с которой в любой момент могут погнать! За детей! Да! Детей! Но, где эти маленькие существа, которые ничем помочь

не могут. За суды, которые потом будут отбирать их у тебя! Из-за чего? Из-за нелепой встречи на скамейке с каким-то психом, который умер то ли десять, то ли тридцать лет назад? Франк только сейчас понял, какая хрупкая вещь жизнь в этом странном, одиноком мире, где так мало ножек у стула, на котором сидишь! Его жизнь стерли, уничтожили всего за два дня! Куда идти? Что делать?...

Искать! Нужно найти того сумасшедшего и потребовать от него объяснений! Все, что с ним произошло, даже странная авария в тоннеле, (теперь он был в этом абсолютно уверен) имела отношение именно к той встрече. Сейчас он знал это точно. А еще Франка одолевал голод. Клошары! Интересно, как они живут, что едят, где спят? Как удастся им в этом огромном равнодушном городе сохранять жизнь, поддерживать ее?... Может быть, пойти к Жоан и попытаться все объяснить? В конце концов, взять у нее денег! НЕТ! Как она могла?! За десять лет их брака он ни разу ей не изменил. Даже смешно! И теперь такое! Это она заставила его найти проклятого Дойла! Это из-за нее он будет питаться обедками у ресторанов, будет, как бродяга, ночевать на скамейках в парках, таскаться по улицам холодного города.

Так размышлял он, бесцельно слоняясь по Парижу. Сена, Латинский квартал, где веселыми стайками мимо пробежали студенты Сорбонны, вот Великий Собор. Потом добрел до Лувра, где толпилось множество народу. Отсюда было недалеко до того парка развлечений. Он постоял среди людей,

озираясь по сторонам. Вот Наполеоновский дворик, в центре которого гордо стояла гигантская, для этого священного места, Стеклянная Пирамида. Снова улицы и площади, Триумфальная Арка и Елисейские поля. А он, словно турист, бродил по этим местам, не зная, где закончится его день.

Последнее, что запомнил – были удивительные деревья в парке, под которыми он устроил себе ночлег. Здесь находилась та самая скамейка, с которой все и началось. В тот день он сидел, ждал детей и жену, а сейчас все отдал бы за бургер, которым тогда давился, отдал бы все за то, чтобы пройти мимо этого человека. Он ненавидел его и Жоан ненавидел, и самого себя.

Я заболею и умру, и тогда Жоан узнает, как несправедлива ко мне была, – думал он. А еще, лежа на скамейке, положив под голову сумку и накрывшись свитером, который Жоан предусмотрительно положила, он смотрел на пожелтевшую листву, переливающуюся в свете прожекторов. Зрелище было удивительным, было очень красиво, эти благородные деревья, словно укрывали его от непогоды и холода, принимали этого потерявшегося человека в свою компанию, теперь он был членом их коллектива. Они покачивали на ветру развесистыми кронами, словно, успокаивая. А неподалеку стояли уставшие аттракционы. Они закончили свое длинное лето и терпеливо дожидались весны. Только карусель спокойно и горделиво вращалась. На ней мигали разноцветные лампочки, последние прохожие заглядывали в

это уединенное место Парижа, чтобы оседлать деревянную лошадку или ослика и сделать еще один круг. И еще один. А потом вернуться в свой теплый дом...

Франк сунул руку в сумку, достал какую-то тряпку, окавшуюся полотенцем, обмотал замерзшую голову и снова устроился на скамейке, глядя в темное небо, на котором мерцали яркие звезды.

– Назло заболею и назло умру! – пробормотал он.

7

Подскочив на месте, он сначала не понял, где находится. Все тело ломило, его знобило, болела голова, спина онемела от жесткой скамейки, на которой он ночью лежал, в руках он держал свитер, которым укрывался, а с головы свисало полотенце. Рядом стоял какой-то старик и внимательно на него смотрел. Это был Дойл. Рональд Дойл! Человек, по вине которого он оказался в таком ужасном положении. Тот улыбался и какое-то время молчал. Потом произнес:

– Доброе утро. Замечательная осень, не правда ли?

– Чего вы от меня хотите? – пробормотал Франк, – что вы привязались ко мне? Кто вы такой, в конце концов?

Тот пропустил эти слова, оставив их без ответа, и почему-то спросил:

– С женой и детьми все в порядке?

– Да... А что? – в ужасе прошептал Франк.

– Что же случилось с вами?

– Со мной?... А вы не знаете?!.. Какое вам дело? – вдруг закричал он.

– Раз я спрашиваю, значит, мне есть дело. Отвечайте! – властно сказал тот и Франк почему-то заговорил:

– Меня... выгнали с работы...

– Так.

– Что так?

– Хорошо! Дальше!

– Дальше... Дальше меня выгнали из дома.

– Почему?

Франк молча вынул из сумки фотографии и протянул ему. Дойл взял их и долго внимательно изучал. Делал он это с каким-то удовольствием, о чем-то думая.

– Это ваша работа? – взорвался Франк.

– Ничего не меняется. Методы все те же, – бормотал он себе под нос, не обращая на Франка никакого внимания. – Только раньше фотографии были черно-белыми, а теперь цветные.

Очнувшись, снова посмотрел на Франка:

– Что еще?

– Еще?! Еще меня обокрали!

– Хорошо, – пробормотал Дойл.

– Что хорошего?

– Это все?

– Этого мало?

– Вас не сбила машина?...

– Да, мы попали в аварию, но это было после первой нашей встречи.

– Понятно. Больше неприятностей не было?

– Каких?!!!

– Вас не арестовали, не предъявили обвинения в изнасиловании несовершеннолетней, не подкинули оружие или наркотики, не посадили за угрозу терроризма, за попытку нападения на президента, не нашли в кармане капсулу с лихорадкой Эбола?

– Не нашли, – пробормотал Франк, потом прошептал, – кто вы такой?

– Вам, юноша повезло. Считайте, что вы отделались легким испугом.

– Чего вы от меня хотите? – снова в ужасе едва выговорил Франк.

– Вы знаете, кто я такой. И я ничего от вас не хочу, а вот вы пожелали взять у меня интервью.

Он повернулся и начал удаляться.

– Стойте! – закричал Франк. Дойл обернулся.

– Куда же вы?

– Ладно, идите за мной, – проворчал он и продолжил свой путь, а Франк, вскочив со скамейки и схватив сумку, побежал следом.

– И снимите с головы это дурацкое полотенце! – на ходу бросил Дойл, мельком на него посмотрев.

Какое-то время они шли молча по дорожке парка, потом старик, сделав шаг в сторону, ступил на траву.

– Вы куда?

– Здесь ближе, – буркнул тот и начал углубляться в парк. Так они какое-то время шагали по газону. Дойл снова повернул, потом еще, Франк не отставал, следуя за ним. Он не понимал, куда они направляются. Вдалеке показалась высокая стена, к которому примыкал парк, больше там ничего видно не было. Внезапно сквозь облака начало пробиваться солнце. Оно светило все ярче, уже слепило глаза, стало тепло, даже жарко. Франк расстегнул пиджак – он быстро согревался. Наконец ему стало тепло после той ужасной ночи. Дойл, повернув в последний раз, обошел пару деревьев и направился к дорожке, откуда они только что пришли.

– Старик заблудился, – подумал Франк, но ничего не сказал. Так они, преодолев какое-то расстояние, снова оказались у знакомой скамейки. Дойл сел и уставился вдаль. Потом кивнул:

– Располагайтесь, здесь нам никто не мешает, можно спокойно поговорить.

Франк смотрел на него выпученными глазами – у него не находилось слов. Старик долго молчал.

– Что же мне с вами делать? – наконец пробормотал он, переводя взгляд на Франка. Вдруг наклонился и начал что-то искать в траве.

– Будьте любезны, помогите мне, – беспомощно произнес он.

– Не понял?

– Я обронил запонку, поищите пожалуйста, она должна быть где-то здесь.

Он держал рукой манжет и смотрел в траву. Франк наклонился и тоже начал рассматривать поверхность зеленого газона, но ничего не находил.

– Смелее же, молодой человек! Или вам сто лет и вы тоже не можете согнуть спину? – уже громче произнес Дойл. Было заметно, как он волнуется.

– Сейчас, сейчас, – бормотал Франк, вставая на колени. Он водил руками по траве, но ничего не находил. – Может быть под скамейкой? – спросил он.

– Может быть, – уже громче отозвался Дойл. Франк присел еще ниже и начал искать, в темноте шаря руками, а старик нервно приговаривал:

– Ну, что там? Не молчите же?

– Я смотрю! – ответил Франк.

– Смотрите! Давайте! Смотрите! Золотая запонка! Попробуйте-ка с другой стороны. Давайте еще глубже, она должна быть здесь, я знаю это точно!!!

– Я ищу!

– Плохо ищите! Зайдите сзади! – продолжал давать советы Дойл, – проползите под всей скамейкой! Смелее!

– Ищу! Я ищу!

– Дальше! Еще дальше! А под тем кустиком, а под урной смотрели? А в урне? Перепашите на животе весь чертов газон! Весь парк! Давайте, юноша, не ленитесь. Еще дальше, еще!!!

Франк уже весь мокрый от утренней росы, продолжал ползать под дурацкой скамейкой, которая нависала над ним, и где он едва помещался, больно ударялся головой, но лихорадочно шарил руками, а старик все продолжал кричать, подбадривая его. Вдруг Франк услышал хриплый гогот и высунулся из-под скамейки. Дойл стоял и дико хохотал. В руке он держал запонку, которую надевал на законное место, потом снова закричал:

– Зачем выползли? Носом, лбом своим перепашите весь этот чертов газон! – и снова захохотал дьявольским смехом. Франк, выскочив из-под скамейки, уставился на старика.

– Вы что?... Вы... Как это?... Что это такое?

– Внимательно наблюдаю за тем, как долго можно ездить на вас верхом! – перестал смеяться Дойл и зло на него уставился, – я хочу знать, где предел человеческой тупости и убожеству, – и снова засмеялся.

Франк уже задыхался от ярости. Вдруг воскликнул:

– Я все понял! Вы сумасшедший! Как я раньше не сообразил. Вы ненормальный, богатый псих, который играет с людьми в свои идиотские игры! Теперь мне все понятно!.. Оставьте меня в покое! – дико закричал он. – Меня и мою семью! Вы слышите меня?! Я вам ничего не сделал! Я про-

сто сидел в парке и читал газету, это вы ко мне подошли! Будьте вы прокляты! Что вам от меня нужно? Забудьте обо мне! – потом закашлялся. Чувствовал он себя ужасно, едва не валился с ног. Вдруг услышал спокойный голос Дойла:

– Все сказали?... – потом зло прошипел:

– Да, кто вы такой, черт возьми, и что вы можете?

– Простите? – вспыхнул Франк.

– Не прощу! Вы ничтожный журналистишка, который ради копеечного гонорара решили преследовать меня. Что вы можете, что вы сделали в своей жизни? Вы рыхлое европейское существо, изнеженный, инфантильный, младенец!

Больше Франк молчать не мог.

– А вы зарвавшийся американец с тупым чувством юмора и солдафонскими манерами. Что сделали вы? Написали книжку? Книжонку? Наваяли шедевр и в кусты? Потом развалились от лени и апатии, зажрались, улеглись на диване и провели так полвека!?

– Та-а-ак!

– Да, ТАК! А книжонка ваша убогая пародия на классику, пародия на жизнь. Что вы смогли с ее помощью сказать, о чем новом вы сообщили миру!?

– Давайте еще!

– Еще? Вы самодовольное существо, которое взяло на себя право смотреть на людей свысока, вам повезло, вы попали в нужное время в нужном месте, вас выбрали...

– Отлично! – уже кричал Дойл, – давайте же! Еще! Давай-

те!!!

– Дам! И еще как дам! ...Подобрали на помойке и возвеличили. А потом забыли.

– Вот!

– Забыли навсегда. Не пройдет и десяти лет, как никто вашего имени не вспомнит, вы мраморная статуя, монумент, памятник, который снесут за ненадобностью...

А Дойл уже без удержу хохотал. Он не мог остановиться, едва не падая со скамейки, но продолжал выкрикивать нелепые слова.

– Давай, жалкий младенец, давай. Ай да молодчина! Браво! Бис! Покажи противному старику, наподдай ему!...

– Все! – остановился Франк. – Я сказал все! – он стоял, отряхиваясь от травы и утренней росы, и выглядел чрезвычайно грозным.

– Прощайте! Вы сумасшедший! Вы псих! И мне ничего от вас не нужно! Интервью!? Размечтались!

Он схватил сумку и бросился наутек. Через мгновение вернулся, заявив:

– Денег! Немедленно дайте мне денег,... пару сотен,... мне нужно на такси и еще... на еду, и... и на отель... Сейчас же дайте мне их! За моральный ущерб!

Дойл стоял и молчал. Он с удовольствием, прищулив глаза, глядел на Франка, потом вынул из кармана купюры, с улыбкой протянул ему, тот, не глядя, сунул их за пазуху и повернулся, чтобы уйти. На ходу услышал:

– Вы знаете, юноша, где меня найти.

– Идите-ка вы..., – зло обернулся он. – И не вздумайте больше преследовать меня!!!

– А вы снимите с шеи это дурацкое полотенце! Нынче такое не носят, – и снова залился громким хохотом. Франк сорвал полотенце, которое так и осталось висеть у него на шее, несколько раз махнул им, как белым флагом, и в сердцах отшвырнул в сторону. Через мгновение он исчез. Старик мгновенно стал серьезен, какое-то время смотрел ему вслед, потом пробормотал:

– Забыли, говоришь? Да, забыли... Если бы это было так, все было бы намного проще. Все было бы по-другому...

Он поднял с газона полотенце, сел на скамейку и уставился вдаль, застыв, словно изваяние. И только в глазах его замерло мучительное, сосредоточенное размышление, он о чем-то лихорадочно думал. О чем? Прочитать его мысли в этом пустынном парке было некому...

8

– Да кто ты такой? – бормотал Франк, быстро удаляясь из парка, – Кто дал тебе право так вести себя с людьми! С незнакомыми людьми! С уважаемыми людьми! С профессионалом, журналистом, отцом двух детей и мужем одной жены... Тьфу!

Так он мчался по улицам, не глядя по сторонам и нико-

го не замечая. Потом начал внимательно рассматривать витрины магазинов. Невероятно хотелось есть, но сейчас ему нужен был тот единственный магазин, где найдется убогое произведение этого ненормального. Франк не помнил, где расположены книжные лавки в этом районе, поэтому лихорадочно искал. А отовсюду веяло ароматами быстро и ресторанчиков, закусочных и чайных, где дымился горячий кофе, лежали горячие круассаны, жарились яйца с беконом и прочая снедь. В кармане у него лежали деньги, старик второпях сунул ему целую пачку, их даже не нужно было пересчитывать, было понятно, что хватит и на плотный обед, и на номер в отеле, но сейчас... Сейчас ему нужна была бездарная книга бездарного писателя, по первым словам, строкам которой он поймет, с каким ничтожеством имел дело.

– Да, кто ты такой!? – продолжал ворчать он. Наконец увидел знакомую надпись и бросился в открытую дверь.

– Дайте пожалуйста мне эту... как ее... Он волнения и возмущения он потерял дар речи, – книгу этого писателя... как его...

– Какого? – вежливо спросила продавщица. Она была удивлена раннему посетителю и его возбуждению, в таком настроении люди в ее магазин не заходили. А этот ворвался, словно здесь была аптека или винный магазин.

– Так! – собрался с мыслями он, – писателишку зовут...

– Простите? – не поняла она.

– Я хотел сказать, – поправился он, – писателя зовут Ро-

нальд Дойл, а книга называется... Впрочем, вы знаете это сами, книга у него одна.

Девушка задумалась, потом произнесла:

– Я не знаю такого писателя.

– Как? – возмутился он. – Посмотрите, он наверняка у вас есть. Этот... есть в каждом магазине.

– Нет, я знаю свой товар, но такого писателя... и даже писателишки у нас нет. Это совершенно точно... Какое-то новое имя?

– Девушка, вы уверены? – изумился он.

– Абсолютно!

– И вы никогда ничего не слышали о нем?

– Нет.

– Нет?!

– Нет, – удивленно повторила она.

– ЕСТЬ! – радостно воскликнул он, направляясь к выходу. – Ну и молодежь пошла, продавец книжного магазина и не знает Дойла! – подумал он.

Через километр нашел еще один магазин и зашел туда.

– Нет, такого нет.

– Точно?

– Точно!

– И ничего о нем не слышали?

– Ничего.

– Прекрасно! – ликовал он. Но вот еще один магазин и еще – уже четвертый, а книги Рональда Дойла не было ни-

где, и никто о нем ничего не слышал. Франк был счастлив, он много бы отдал за то, чтобы Дойл оказался в эту минуту рядом. Писателя уже забыли в этой цивилизованной стране, выкинули из памяти, из книжных магазинов за ненадобностью!

– Да, кто ты такой! – довольно ворчал Франк. Но ему нужна была эта книга, он должен был посмотреть Дойлу в глаза, и теперь не знал, где ее найти. В конце концов, ему все надоело. Это был пятый магазин, куда он заскочил.

– Посмотрите, пожалуйста, в вашем компьютере, там наверняка ее найдете. Может быть, она лежит не на полках, а пылится в подсобке. Я уверен, эта книга должна быть в магазине.

– Нет, месье, такой книги у нас нет, – уже в третий раз повторила продавец.

– И такого писателя вы не знаете? – уже возмущался он.

– Нет.

– Стыдно, девушка. Это классик мировой литературы!

Девушка покраснела и робко произнесла:

– Вы уверены?

– Конечно. Зайдите в Интернет, наберите в поиске его имя и через секунду выпадет миллион ссылок.

– Простите, куда мне сходить?

– В Интернет!

– Что вы имеете в виду? – вдруг спросила она.

– Та-а-ак, понятно, – протянул Франк и покинул мага-

зин, — девушка была из глухой провинции! — понял он. Но сейчас отчаянно хотелось есть, и терять времени на какого-то Дойла у него больше не было ни желания, ни сил. Достаточно было того, что пять продавцов книжных магазинов о Рональде Дойле не знали ничего! Это была маленькая, но, все-таки, победа.

В первом попавшемся быстро Франк лихорадочно набросился на еду. Он не ел уже несколько дней, ужасно себя чувствовал, простуда еще давала о себе знать, безумно устал, и теперь сидел, с жадностью поедая свой завтрак. Маленькое глупое счастье! Как это замечательно просто быть голодным и удовлетворять свой аппетит. А думать больше не хотелось ни о чем. Хотя бы один час! Этот час он проведет спокойно и без нервотрепки. В эту минуту он, словно, возвращался к жизни. Неподалеку сидели люди, они разговаривали, читали газеты, пили кофе, и Франку стало спокойно и хорошо. Потом он пойдет к себе домой. Да — именно к себе и к жене! Объяснится с Жоан и закончит эту дурацкую историю. Забудет о ней навсегда...

Перед ним положили счет.

— Не уходите, я сразу же заплачу, — сказал он, вынимая деньги. Потом в ужасе смотрел на них, переводил взгляд на официантку и снова на деньги, которые дал ему Дойл. Перед ним лежала целая пачка... французских франков. Купюр, которые больше десяти лет не ходили в этой стране. Старик и тут его разыграл. Дойл над ним издевался! Франк

не знал, что ему делать.

– Простите, – прошептал он, – я перепутал. Это шутка, сейчас я вам все объясню.

– Что? – невозмутимо спросила девушка.

– Нет! Пожалуй, я не смогу вам объяснить, чем заплачу за свой завтрак, – устало сказал он, – можете звать жандарма, вышибалу или кто там у вас... Вот, возьмите в залог мой телефон.

– Месье шутник!? – улыбнулась девушка. – Мне не нужно столько чаевых.

С этими словами она вынула из пачки сотенную купюру, полезла в карман белого фартучка и насыпала на подносик сдачу. Это были сантимы, самые настоящие, давно забытые, сантимы, а не центы.

– А если месье нужно позвонить – вон телефонная будка.

Он ничего не понял, оставил мелочь на столе и быстро ретировался...

– В этом ресторане до сих пор принимают к оплате франки!.. В этом ресторане находится телефонная будка! Ретро-бистро! – думал он на ходу.

9

Наконец добрел до своего дома, который переливался в лучах яркого полуденного солнца. День выдался замечательный. Осень, словно забыв о своих правах, вновь уступила ме-

сто жаркому лету, и уже не верилось, что еще вчера моросил ледяной дождь, не верилось, что ночь он провел на жесткой скамейке. Кошмар оставался позади. Как просто сейчас подняться на третий этаж, позвонить в дверь, которую Жоан немедленно откроет. Она улыбнется, от нее будет пахнуть теплом и домом. Он обнимет ее и недоразумение закончится. Так думал он, поднимаясь по ступенькам. Конечно, предстоит борьба, придется объясняться, уговаривать, требовать и настаивать. И улыбаться она не будет, скорее всего, даже не откроет дверь, но так хотелось снова вернуться к ней, увидеть детей, оказаться дома.

Он позвонил. Через мгновение дверь открылась и на пороге появилась Жоан. Она стояла, такая родная, хорошая, такая близкая и улыбалась. Ему улыбалась!

– Здравствуй, милая! – шагнул он к ней и обнял за плечи.

– Что это? – вдруг высвободилась она из его рук, отпрянув.

– Перестань. Давай спокойно поговорим.

– О чем?

Жоан с изумлением на него смотрела, была подчеркнуто вежлива и на мгновение он замолчал.

– А нужно ли о чем-то говорить? Помолчим! Забудем весь кошмар.

– Я не понимаю!?

– Жоан, неужели ты не видишь, что на этих фотографиях не я. Это жалкая подделка, – и он вынул из конверта снимки.

– Какая гадость!.. Мне совершенно все равно – вы это или не вы! – воскликнула она, мельком бросив взгляд на фотографии и нахмутив лоб.

– Ах, так! То есть ты готова узнавать меня на любой поддельной фотографии. Держи! – и он сунул ей в руку снимки. – Посмотри на мою спину. Вот на этой фотографии. Ты же знаешь, у меня там родинка, а здесь ее нет. Нет!

– Зачем мне это знать?

– Нет, ты посмотри и сравни! – и он начал стаскивать с себя пиджак.

– Прекратите! Мне все равно! Я вас не знаю! Я вижу вас в первый раз!

– Вот как? Теперь ты знать меня не хочешь?! Не хочешь ничего помнить! Прошное не имеет для тебя значения. Даже родинка на моей спине!

– Прошное!?

– Отлично! Прошлого для тебя больше нет... Так. Я хочу видеть детей. Я немедленно хочу их видеть. В конце концов, я имею на это право!

– Каких детей?

– Моих, Жоан. Моих! И твоих тоже!

– Здесь нет никаких детей!

– Все! Хватит! – с этими словами он попытался пройти в квартиру, но Жоан, встав на его пути, прошептала:

– Я сейчас вызову жандармов! Я закричу! Через секунду сюда сбежится весь дом!

Он отступил. Фотографии, которые она держала в руках, брезгливо протянула ему.

– Маньяк! Извращенец! – как-то мягко и без злобы прошептала Жоан.

– Отлично! Спасибо и на том! – уже хотел уйти, вдруг обернулся, успев перехватить дверь, которую Жоан собиралась закрыть.

– Хорошо! Пусть будет так! У меня к тебе есть одна просьба! Жоан, меня уволили с работы, я потерял кредитную карту!.. Дай мне займы немного денег. Я отдам. Абсурд, что прошу у тебя, но у меня в этом городе никого нет. Ты же не можешь просто так выкинуть меня на улицу! – и замолчал, уставившись в пол. В эту минуту ему почему-то было все равно, что она ответит. Знал одно – она не может не откликнуться на такую простую просьбу. Это было бы слишком.

– С этого бы и начинали! – спокойно произнесла она, прикрыла дверь, на мгновение исчезла, вновь ее открыла и протянула несколько банкнот.

– Спасибо! – только и успел произнести он, как дверь хлопнулась. Франк медленно начал спускаться по ступенькам. Потом взглянул на купюры, которые дала ему Жоан. Вдруг в ужасе замер. В руке он держал... самые настоящие французские франки.

И тут он дико закричал:

– Дьявол! Она с ним заодно! Они сговорились! Какой кошмар!

И снова улицы, проспекты, мосты через Сену, храмы и купола. Бесконечные километры тротуаров и дорог, которые он бесцельно преодолевал в поисках решения. Наконец перестал себя мучить и просто смотрел по сторонам, стараясь ни о чем не думать. Стало легче. Теплый ветер трепал на затылке волосы, солнце ласкало, согревая, а он глотал свежий воздух и дышал полной грудью. Воробьи купались в лужах, а, значит, будет тепло. Где-то в парке его ждет знакомая скамейка, неподалеку будет вращаться карусель, яркие лампочки будут переливаться всеми цветами радуги, а деревянные лошадки уносить по кругу в бесконечность праздных людей. Сейчас он чувствовал себя гражданином этого удивительного города, страны, планеты, которая стала для него большим домом. Он все смотрел, с удивлением озираясь, и не узнавал город. Тот выглядел совсем другим. По нему шли другие люди, улицы выглядели по-другому. Может быть, потому что раньше он все это не замечал, не видел, не хотел видеть, но теперь взгляд его сфокусировался и он, словно,знакомился с ним заново. Зачем-то повторил вчерашний маршрут. Вот Сорбонна, Собор Парижской богородицы, еще немного и до величественного Лувра рукой подать. Франк дошел до середины площади, остановившись в толпе зевак. В этом историческом месте он завершал свою экскурсию. Вдруг понял: – Что-то не так!.. Что?

И тут ему показалось, что он сходит с ума. Стеклойной

Пирамиды, которая должна была стоять в этом месте, не было. Еще вчера она находилась здесь – он помнил это точно, иначе и быть не могло! Вот Наполеоновский дворик в центре которого она должна возвышаться... Но ее там нет!!! Снова Дойл!? И пирамида с ним договорилась? Она находилась здесь десятки лет, еще в восьмидесятые построили это чудовищное сооружение высотой с двухэтажный дом, а сегодня оно исчезло. Исчезло, чтобы его разыграть!? Проклятье!

10

Безвольно шатаясь из стороны в сторону, он все дальше уходил от Лувра, пока ноги сами не привели его в парк. Вот знакомая скамейка, а на ней знакомый силуэт. Франк медленно подошел к нему и замер. Долго стоял так, ничего не говоря. Дойл тоже молчал, глядя куда-то вдаль. Наконец старик произнес:

– Вы хотели взять у меня интервью?

– Ничего я не хотел! – пробурчал Франк.

И снова долгая пауза. Теперь Дойл испытующе на него смотрел.

– Поздно, юноша. Вы сами ввязались в эту игру, теперь вам играть до конца.

– Чего вы от меня хотите?

Дойл снова какое-то время молчал, с грустью глядя на Франка.

— А ведь я вас предупреждал.

— Что вам от меня нужно?

— Пойдемте.

— Я никуда не пойду.

— У вас есть выбор?... Впрочем, можете покончить с собой. Так будет вернее.

С этими словами Дойл встал и медленно начал уходить. Вдруг остановился, обернулся. Франк сделал шаг, потом еще один и еще, но снова замер. Тогда старик продолжил уверенно шагать по парку, не оглядываясь, а Франк, уже не думая ни о чем, безвольно, словно на привязи, поплелся следом. Больше идти ему было некуда.

Выйдя из парка, старик поймал такси, и они долго ехали по городу. Наконец машина остановилась, и они вышли наружу. Это были окраины Парижа. Раньше Франк никогда на этой улице не бывал и теперь с удивлением озирался по сторонам. Вокруг находились старинные дома, на дороге почти не было видно машин, редкие прохожие неторопливо проходили мимо и исчезали. Здесь не было привычной толчеи и пробок, обочины не были заставлены автомобилями, а в воздухе замерло умиротворение и покой, словно они оказались в глухой провинции, а не в столице большого государства в самом центре Европы. Дойл подошел к двери ветхого одноэтажного дома и открыл дверь. Франк молча шел за ним. Они проследовали по пустынному коридору, минова-

ли пару комнат, где находилась нехитрая обстановка и оказались в просторной зале. Дойл медленно сел за огромный стол и кивнул Франку, приглашая его занять место на диване напротив. Здесь был затхлый воздух, словно это было не жилье, а склеп, почти не было мебели, а вся стена за спиной писателя была увешена книжными полками. Эта комната напоминала бы старинную библиотеку, если бы не одно обстоятельство. Франк с удивлением заметил, что ни одной книги здесь не было. Посередине занимал место стол, за которым сидел Дойл, еще были пару стульев и все. Комната была огромных размеров, и казалась совершенно пустой.

Наверно старик недавно сюда переехал, – подумал Франк, оглядываясь. И еще заметил, что на одной из стен висело множество фотографий, на которых была изображена какая-то девочка. Вон уже взрослая девушка, а на некоторых снимках – пожилая дама. По-видимому, это был один и тот же человек, кто-то скрупулезно собрал фотографии разных времен, поместив их в рамки и развесив на этой стене. Их было много. Очень много. Целый коллаж из черно-белых и цветных фотографий в старинных рамках, который напоминал иконостас.

Дойл некоторое время молчал, глядя перед собой, уткнувшись в стол, потом поднял голову и вдруг спросил:

– Как вас зовут?

– Франк, – ответил тот.

– Не годится! – воскликнул старик.

– Почему? – удивился Франк.

– Так называют каждого второго в вашей замечательной стране. Теперь вы будете Луи. Благородно, красиво, лаконично. Старинное имя, почти забытое.

– Я не понимаю... Впрочем, не важно. Вы должны мне кое-что объяснить! Что все это значит? Что со мной происходит? Зачем вам это и чего вы от меня хотите, черт возьми?

Лицо Дойла передернуло, было видно, что Франк его раздражал.

– Думаю, вы уже поняли, что попали в историю.

– В какую?

– В нехорошую. И никто вас сюда не тянул. Бывают вещи, юноша, за которые приходится платить.

– Но, что я вам сделал?

– Ничего! Иногда не нужно что-либо делать, чтобы оказаться в дурацком положении. Просто вы оказались не в том месте, вот и все.

– Та-а-ак, давайте подробнее, Давайте-ка по существу.

– А по существу вы все поймете через некоторое время. Есть вещи, которые не так просто и скоро можно объяснить. Итак...

Он встал и прошелся по комнате, его шаги гулко отдавались от стен пустого помещения.

– Жить вы будете у меня. Там есть комната для прислуги, – и старик небрежно махнул рукой в сторону выхода.

– Но...

– Работать будете за этим столом.

– Работать? Что я буду делать?

– Писать. Вы будете писать свое дурацкое интервью.

– Зачем вам это? Вы знаете, что меня уволили и теперь вам не заплатит никто!

– Заплатит? К черту, Луи, ваше заплатит! Не в этом дело. Платить вам буду я... небольшую стипендию.

Дойл, выдвинув ящик стола, достал оттуда пачку купюр и бросил ее на стол.

– Заберите, – воскликнул он, брезгливо глядя на деньги.

– Вы издеваетесь? – воскликнул Франк, – вы немного отстали, эти деньги не ходят во Франции уже более десяти лет.

– Уже ходят.

– А стеклянную пирамиду у входа в Лувр кто снес? Вы?

– Пирамиду? – удивился Дойл, – ах, пирамиду. Да и зачем она нужна? Снесли. Ко всем чертям!

– За эти несколько дней я что-то пропустил?

– Можно сказать и так. Уберите это, – повторил он.

Франк, ничего не понимая, сунул деньги в карман.

– А где будет напечатано это интервью?

– Теперь это ваши проблемы, Луи... Не знаю... Об этом позже. Намного позже.

– Но я не могу оставаться у вас. У меня жена, дети! Мне нужно искать работу, забирать из ремонта машину...

– Можете. Считайте это командировкой... на тот свет, – и старик громко захохотал, потом замер и зло уставился на

Франка.

– И последнее, малыш Луи! Запомни, у тебя больше нет машины, нет жены и детей, дома нет, ничего! Ты никто и ничто! И только от тебя будет зависеть, вернешься ты в свою жизнь или нет, сможешь ли ты это сделать, бездарность ты и тряпка или заслуживаешь чего-то в этой жизни... Все!

Долгая пауза зависла в спертom воздухе просторного помещения.

– Но...

– А если нет – закончим прямо сейчас, проваливай и чтобы я тебя больше не видел. Теперь все!

Дойл сел за стол и вновь уставился прямо перед собой, глядя на руки. Было видно, как он устал. Франк молчал, не зная, что ему делать. Он сходил с ума. Он не получил никаких объяснений, наоборот, все еще больше запутывалось. А эти жуткие слова о его семье! О Жоан! О детях!..

И вдруг ему стало страшно, мурашки побежали по спине, холодный пот выступил на лбу. Он сорвался с места и кинулся к выходу, но остановился...

– Я... Мне... Я должен подумать... Я вернусь, но не сейчас... Я скоро...

Он пробежал через все комнаты, выскочил на улицу, жадно глотнув свежий воздух, словно выбрался из преисподней, а перед глазами все стоял образ старика, который устало сидел за столом, за его спиной висели пустые полки, а на стене огромный коллаж отсвечивал фотографиями незнакомой

Он долго стоял на пустынной улице, по которой изредка проезжали автомобили. Наконец увидел такси и махнул рукой.

– Вы принимаете к оплате французские франки? – спросил он, чем вызвал неудержимый хохот таксиста.

– Только японские йены! – воскликнул тот.

– Извините, – озадаченно пробурчал Франк и отошел.

– Садитесь же! – крикнул таксист. – А какие франки еще я должен принимать? Была долгая вечеринка, дружище? Не вспомните, в какой стране проснулись? – и снова залился громким хохотом.

– То есть, эти деньги вы у меня возьмете? – повторил Франк, вынув из кармана купюры. Таксист перестал смеяться и серьезно ответил:

– Да, месье, конечно.

Пока Франк садился в машину, тот снова зашелся смехом.

– А месье, шутник! Вы не из Шапито?

– Нет, – проворчал Франк и назвал адрес. Спустя какое-то время спросил:

– Вы не знаете название улицы, где я к вам сел? Нужно бы запомнить... На всякий случай!

Теперь таксист смотрел на него с жалостью. Он записал на

бумаге улицу, номер дома и протянул ему. – Ах да, город написать забыл... Или запомните? Город этот называется Париж, – добавил он, и снова нервно хохотнул.

– Спасибо, – ответил Франк. Он и сам хотел задать этот вопрос, но пока не решался.

Жоан открыла дверь, удивленно на него посмотрев. На этот раз она не улыбалась.

– Вы хотите попросить денег еще? – спросила она.

– Нет-нет! Вот, хотел вернуть долг, – и он достал кошелек.

– Так быстро?... Украли? – почему-то спросила она и в глазах ее сверкнули задорные огоньки. Как давно он не видел этих глаз, как он соскучился по ним! Только теперь в этом взгляде было что-то новое, необычное, скрывалась какая-то загадка, тайна. Эта женщина, которую он знал больше десяти лет, сейчас выглядела по-другому. Ему даже показалось, что она стала немного моложе.

– Заработал, – пробормотал он. Теперь Франк внимательно на нее смотрел, не в силах отвести глаз, словно видел впервые. Жоан заметила этот взгляд и с беспокойством спросила:

– У вас все в порядке?

Он молчал. Так продолжалось достаточно долго. Наконец очнулся и пробормотал:

– Да... Да, все хорошо,... то есть, нет, – и снова замолчал. – Извините, – почему-то прошептал он, желая уйти, но

вновь заглянул в эти удивительные глаза и замер. Он не знал, что сказать, он очень волновался, и это волнение передалось ей.

– Прощайте, – наконец произнес Франк.

– Пойдите! – неожиданно воскликнула Жоан. – Я только что сварила кофе. Хотите?

– Да! Да, очень! – с радостью воскликнул он и осекся.

– Ну, заходите же! – засмеялась она, заметив его нерешительность.

Франк вошел в квартиру и в удивлении замер.

– Сюда... Проходите в гостиную, – услышал он и медленно, озираясь по сторонам, как в музее, пошел по коридору. Жоан тем временем исчезла и очень скоро появилась с двумя чашечками дымящегося кофе. Заметив, что он нелепо стоит посреди комнаты, предложила:

– Садитесь... Сюда.

Но Франк продолжал озираться, наконец, взгляд его сфокусировался, он увидел знакомую вещь.

– Настоящий буфет! Ему, наверное, лет сто?!

– Около того!

Это была единственная вещь, которая сохранилась в их гостиной от прежней обстановки. Все остальное он видел впервые. А этот старинный “гроб”, как его называла жена, был наследством ее деда. Жоан ненавидела этот буфет. Он был огромных размеров и не подходил к прочей мебели. Она часто задевала его, спотыкалась, чертыхалась. В последнее

время собиралась от него избавиться, но Франку почему-то было его жалко, и нередко этот старинный буфет становился предметом раздора.

– Не захотели избавиться? – спросил он.

– Разве можно? – воскликнула она. – Это память о дедушке.

– Дедушке, – прошептал Франк, впервые услышав, как она трогательно отзывается о нем.

– Вы забыли представиться. Как вас зовут? – спросила она.

– Луи... То есть, Франк! – поправился он.

– Так Луи или Франк? – засмеялась она. И снова эти огоньки в ее глазах...

– Франк. Конечно Франк!

– А откуда вы узнали мое имя? Вы следили за мной?

– Нет. Мне так показалось.

– И не ошиблись! Вы медиум?

– Нет... То есть, ... иногда я могу отгадывать имена...

Он уставился на нее и, не отводя глаз, и снова долго молчал. Потом произнес:

– Например, вашего дедушку звали...

– Как?! – с восторгом перебила она.

– Сейчас скажу... Поль!

– Да!

– А вашу маму зовут... Мадлен!

– Да! Но...

– А отца Жан...

– Да, – прошептала она. – Удивительно! Откуда вам это известно?

– А вашего сына...

И тут она захохотала.

– Нет, вы не медиум, Луи! На этот раз вы ошиблись, месье Франк! У меня нет сына.

– Нет?

– Нет.

– И дочери?

– У меня нет детей. А сейчас вы назовете имя моего мужа и узнаете, есть он у меня или нет. Это такая игра? Да, месье Луи-Франк? Так вы знакомитесь с девушками!

– Нет.

– У меня нет мужа, – вдруг серьезно произнесла она. – Вернее был, но мы с ним давно расстались, вы это хотели узнать? – и она улыбнулась. Потом спохватилась:

– Но, как вы отгадали имена моих родных!? Это чудо!

Он промолчал, продолжая разглядывать знакомую-незнакомую Жоан. Она была такой милой, нежной, глаза ее искрились веселыми огоньками, он нее исходило тепло и покой, уверенность и сила, в то же время нежность и удивительное спокойствие. Словно, за окном был не 21 век, где все куда-то торопились, толкались локтями, боролись, проигрывали и побеждали, снова куда-то мчались. А эта Жоан каким-то непостижимым образом сохранила себя в сумасшед-

шем мире, сидела и улыбалась.

– Теперь попробую отгадать я, – воскликнула она. – Я знаю имя вашей девушки. Ее тоже зовут Жоан.

– Вы правы.

– Она сбежала от вас из-за того, что вы ей изменили с некоей блондинкой, и вы случайно в поисках ее попали ко мне. Верно?

– И да, и нет.

– Я ошиблась?

– Не совсем. Ее действительно зовут Жоан.

– Ну вот.

– Но, я не изменял ей.

– А те ужасные фотографии?

– Это подделка. Меня подставили.

– Кто?

– Не знаю.

– Зачем? Вы кого-то обидели, оскорбили? Натворили что-то ужасное?

– Нет.

– Тогда, зачем они сделали это?

– Не знаю. Знаю одно – я ей не изменял.

Вдруг спросил:

– Вы мне верите?

– Конечно! – мгновенно ответила она.

– А она мне не верит... Почему?

– Дура, – спокойно произнесла Жоан.

– Вы так считаете?

– Конечно!

– Почему?

– Если человек любит – он верит. Все очень просто.

У тебя детские представления о любви, – подумал он, но вслух говорить этого не стал.

– М-да, все просто, – повторил он.

– Вы ее любите?

Он промолчал.

– А она вас?

Он снова промолчал.

– Простите меня, ... что вы решили делать дальше?

Он долго смотрел в эти глаза, вдруг медленно произнес:

– Ее зовут Жоан, вас тоже. Она мне не верит, вы верите..., поэтому я остаюсь с вами. Если, по вашей логике, вы верите, значит, сможете полюбить. Все очень просто!

Она улыбнулась и спокойно внимательно на него посмотрела.

– У вас детские представления о любви, – мягко сказала Жоан, – если бы все было так просто... Кофе понравился?

– Очень! – ответил он, вставая, – никогда не пил такой чудесный кофе. Вы волшебница, Жоан.

– Спасибо, – улыбнулась она, тоже вставая. Потом она проводила его до входной двери, открыла ее и замерла у порога. Франк обернулся.

– А вы действительно не хотите выбросить тот старинный

буфет?

– Не хочу, – ответила она.

– И у вас действительно никого нет?

– Луи... Франк... У вас все будет хорошо. Вы обязательно помиритесь. Все получится. Прощайте.

– Прощайте, – ответил он. Хотел было уйти, вдруг задал еще один вопрос:

– Мы увидимся?

Она покачала головой и произнесла:

– Я не медиум. И будущего я не знаю.

Вдруг озорно улыбнулась и воскликнула: – Передайте привет Жоан! – с этими словами дверь закрылась.

12

Он снова поймал такси и, пока они ехали, внимательно смотрел по сторонам. Таксист включил радио и в салон ворвались звуки чудесной мелодии, давно забытой, но до боли знакомой. Когда-то в детстве его родители любили эту песню, и часто ставили ее на проигрывателе. Пела Далида. Франк взглянул на магнитолу, на месте которой увидел допотопное радио, из которого неслась музыка. Не было отверстий для дисков. Только радио. На панели не было навигатора, даже сотового телефона. Ретро такси, – подумал он. Снова посмотрел в окно. Там проезжали редкие машины, и он снова удивился, не заметив пробок, только сейчас понял, что

по дороге едут странные авто. На таких ездили лет эдак сорок назад. Никаких новомодных моделей не заметил. Ретро машины! Люди шли по тротуарам не торопясь и не толкаясь. Они были одеты в старомодную одежду. Не было голых пупков, драных джинсов, какие теперь были в моде, пирсинга и татуировок, диковинных причесок у молодежи, только консервативные наряды, длинные юбки и платья у женщин и строгие пиджаки и плащи у мужчин. Ретро-парижане! На домах не сверкали, переливаясь неоновым светом, рекламные растяжки, только старомодные плакаты и вывески. Ретро-Париж!

– А какой сейчас год? – вдруг спросил он таксиста. Тот спокойно невозмутимо ответил:

– 2014, месье!

Это был пожилой таксист. Видимо, за долгие годы работы он насмотрелся всякого и привык ничему не удивляться.

– Вы уверены? – снова спросил Франк.

– Конечно. Сейчас октябрь 2014 года... Мы приехали, месье. С вас 25 франков.

Он остановился у ветхого одноэтажного строения и повернул рычажок механического счетчика, на котором замерла цифра 25.

Это последнее, что он решил сделать, прежде чем коснуться ручки дьявольской двери. Неподалеку заметил телефонную будку и направился к ней. Он давно не пользовался

таксофоном. Собственно, за ненадобностью они несколько лет назад исчезли с улиц Парижа. (У всех давно были сотовые телефоны). Но на этой улице такая будка сохранилась. Он вошел в нее, прикрыв за собой дверь, и теперь с недоумением разглядывал телефонный аппарат, вспоминая, как им пользоваться. Наконец набрал номер и опустил в отверстие мелочь, которую на сдачу ему дал таксист. Раздались гудки и Франк с облегчением вздохнул. Ретро-телефон работал!

– Мама, это я! – воскликнул он.

– Луи, дорогой!? Что случилось?

– Мама, как ты?

– Все в порядке! – услышал он ее удивленный голос. – Что произошло?

– Нет, ничего, – только и смог вымолвить он.

– Я же слышу, у тебя встревоженный голос! – продолжала она.

– Все хорошо, мама. Как твои дела?

– Почему ты спрашиваешь?

– Вполне естественный вопрос.

– Но, ты мог задать его полчасика назад, когда уходил... Луи, мальчик, ты себя хорошо чувствуешь?

– Конечно, мама.

– Конечно?! Ты плохо позавтракал! Ты много работаешь! Кстати, хорошо, что позвонил. Вечером, когда будешь возвращаться из редакции, купи в лавке козьего сыра, я приготовлю твой любимый салат.

– Салат?... Это тот – с сыром, помидорами и кукурузой?

– Конечно! А какой еще? Или надоел?

– Нет, мама, нет. Это замечательный салат. Ничего вкуснее я не пробовал.

– Наглый врунишка! И когда уже появится женщина, которая будет тебе готовить,... а мне рожать внуков!

– Мама!..

– Все! Умолкаю! Знаю, что ответишь! Не лезу, не сую нос, ничего не говорю. Твоя жизнь! Вечером жду тебя с сыром!

– Хорошо, – пробормотал он.

– С папой говорить будешь?

– С папой?! – он был потрясен.

– Постой!.. Он пьет кофе, читает любимую “Франс Суар” и машет рукой. Не до нас ему, Луи! До вечера, мой мальчик!

– До вечера, мама... Пока.

– Пока... Луи, а ты зачем позвонил?

– Так. Хотел спросить, что нужно купить.

– Уже забыл?!?! Сыра! Триста грамм козьего сыра! – возмущенно воскликнула она.

– Забыл, – пробурчал он.

– Ох! Пожалуй, я куплю сама. Пока, Луи!

– Пока.

Он стоял совершенно изумленный. В эту минуту где-то далеко в Провансе на кухне квартиры, где прошло его детство, сидел отец. Он читал “Франс Суар”, (газету, которая обанкротилась и была закрыта пару лет назад) и пил кофе.

Отец, который ушел из жизни год назад.

13

– Все? Набегались?

– Я хотел...

– Мне наплевать на то, что вы хотели. Если пришли, давайте работать и не задавайте лишних вопросов. Или до свидания!

Франк замолк.

– Ну и что вы можете, журналист Луи? Чему вас научила жизнь? Сколько вы стоите?

Франк промолчал.

– О чем вы писали, какие вам доверяли темы, в каком отделе работали?

Франк снова промолчал.

– Какой репортаж у вас был последним? О чем?

– О зоопарке!

Дойл презрительно пробормотал:

– Господи, с кем я связался... Берите ручку, бумагу и садитесь к столу, – сухо произнес он. Франк сел и взял из подставки ручку.

– Бумагу.

– Что?

– Писать на чем будете? Бумагу берите!

– Ах да. Бумагу.

– Итак, интервью. Слушаю вас? – спросил Дойл. Франк продолжал молчать, уставившись в стол.

– Что вы молчите, месье журналист? Спрашивайте!.. Вы онемели?

– Не смею задавать лишних вопросов! Вы же сами только что об этом просили.

Дойл, скривив лицо в злорадной гримасе, проворчал:

– Так задавайте их по-существу.

– Мне нужен врач.

– Что?

– Мне срочно нужен врач.

– Что с вами?

– Я только что разговаривал со своим отцом.

– Ну и что?

– А то, что уже год, как он ушел из жизни.

– Да?... Такое иногда случается. Так радуйтесь!

– Мне нужен психолог или кто там бывает еще...

– Вы думаете, что сошли с ума?

Франк промолчал.

– Поверьте мне на слово, с вами все в порядке. Скорее, это мир вокруг нас сошел с ума. Скоро вы все поймете.

– Но...

– Я не желаю больше слушать ваши бредни. Работать! Слушаю вас! – прикрикнул Дойл.

– Извольте, – пробормотал Франк и задумался.

– Где и когда вы родились? Как прошло детство? Где учи-

лись? Кто ваши родители?

— Банально и не интересно, — покачал головой Дойл. — Пишете о великом человеке, а спрашиваете ерунду.

— Детство по-вашему ерунда?

— Детство, — задумался Дойл, — хорошо, пишете:

До семи лет жил в Ирландии, где и родился. Отец — мясник, мать портниха. Брат отца переехал в Америку, а через несколько лет позвал нас к себе. Он был торговцем зерна и успел сколотить небольшое состояние... Учился в школе,... в нескольких школах. Родители постоянно меняли места работы. Времена были тяжелые. Мы часто переезжали. Мой дядя не мог содержать нашу семью, поэтому приходилось много работать. Что еще?... Потом колледж. Там я начал писать. Отец хотел, чтобы я стал адвокатом. Учебу не закончил, отправился в военное училище, а потом, когда исполнилось 18, попал на фронт. Шел 1945 год. Западная Германия. Там служил писарем при штабе. Кампания продолжалась недолго, нас скоро вернули, после чего из армии ушел...

— Я не успеваю!

— Что?

— Вы не дадите мне нормальную ручку? Я не могу этим писать!

— А эта чем не подходит?

— Из нее вытекают чернила! Вот, капля упала на бумагу...

— Капля?! Это, юноша, не капля, а клякса. Вы не знаете такое понятие?

– Дайте, пожалуйста, мне нормальную ручку. Шариковую. Я не могу этим писать!

– Пиши, двоечник! Выводи свои каракули! Учись!... Капля!

– Вы издеваетесь?

– Эти кляксы не гнушались ставить на свои рукописи Байрон или Пушкин! Капли! Пиши! Журррналист! – зарычал Дойл.

– Средневековье какое-то! Вы мне еще дайте гусиное перо! – пробормотал Франк.

– Так, продолжим... Детство... К черту детство... Даю вам пятнадцать минут. Перепишите начисто, сформируйте фрагмент и покажите мне. Хочу знать, на что вы способны!

– Это скоро пройдет? – вдруг спросил Франк.

– Что?

– То, что происходит со мной. Когда это пройдет? Может быть, мне подсыпали галлюциногены? Это ваша работа? Когда вы сделали это?

– Еще слово и я выкину вас на улицу.

– На улицу?... Нет!!!.. Вы что-то знаете, но скрываете.

– У вас пятнадцать минут! – с этими словами Дойл вышел из комнаты.

Ровно через пятнадцать минут он вернулся.

– Давайте, – проворчал старик, брезгливо взяв в руки бумагу, – какая мазня! – и начал медленно вслух читать:

Детство гениального писателя середины 20-го столетия было далеко не безоблачным. Он родился в Ирландии, где его взору представляли бескрайние поля, заливы, покрытые призрачным туманом, облака, лежащие на полях и холмах. Это было сказкой малыша. Его волшебным миром. Семья имела небольшой, но стабильный достаток, жила в крошечном провинциальном городке, где был свой дом и работа, налаженная жизнь, но... И почему случаются эти но? К сожалению, сказки кончаются – таков закон! Его дядя, который несколько лет назад покинул родину, уехав на далекий запад, написал им письмо. Семейный совет был недолгим. А вдалеке брезжила сказочная земля, которая манила и притягивала, она звала, давая надежду на безбедное будущее, заставляла бросить все и начать с самого начала. Американская мечта! Так они и поступили. Тем более что брат его отца к тому времени сумел сколотить неплохой капитал.

– Я не могу содержать твою семью, – сказал тот его отцу спустя две недели по приезду. Пора браться за дело.

И они начали искать работу.

– Я не могу больше размещать вас в своем доме!

И они начали искать жилье. А два брата-близнеца, еще недавно не разлей вода, теперь превратились в настоящих американцев, в жителей великой свободной страны, где каждый отвечал... только за себя. Запад оказался диким.

Они переезжали с квартиры на квартиру, пока не оказались в районе, где жила беднота. Возвращаться назад?

Поздно. Дом был продан и на родине их не ждал никто. А деньги, привезенные с собой, к этому времени закончились. Снова тяжёлый труд. Мать и отец с утра до вечера на работе, а мальши, которому всего семь лет, предоставлен самому себе. Он сменил не одну школу, но продолжал учиться. В толпе сверстников он выделялся высоким ростом и тщедушным телом, за что его часто били. Лицо его покрывали прыщи, а за это били особенно жестоко, но он учился за себя постоять. А как иногда хотелось наесться досыта, сходить в кино, познакомиться с девчонкой, но в кармане было пусто, а на лице все те же прыщи. Иногда, проходя мимо лавок, он хватал батон хлеба или яблоко и убегал, но его находили и снова били... Так прошли лучшие годы его детства. Потом колледж. К тому времени отец сумел заработать немного денег, и теперь все силы отдавал, чтобы вытащить сына с этого дна. Появились новые увлечения, привязанности. А как хотелось взять девчонку, завести в темный уголок, задрать ей юбку... Но снова этот несуразный рост, пустой карман и проклятые прыщи. Тогда юноша начал писать рассказы. И тут произошло чудо. Он больше ничего не хотел. Он мог написать себе и дикий Запад, который клонился к его ногам, и восхитительных юных дев, которые бросались в его объятия, а главное, мог написать богатство. Наконец у него было все. За неуспеваемость его выгнали из колледжа, а отец, узнав об этом, выкинул из дома. Так началась новая жизнь — он стал бездомным бродя-

гой. Однажды, проходя мимо одного уважаемого ведомства, он увидел объявление о наборе рекрутов в военное училище. Проблемы решались сами собой. Полный пансион и довольствие, крыша над головой, а писать он сможет везде! Так в шестнадцать лет он стал курсантом. А через два года их курс в полном составе отправили в Германию. Шел 1945 год. Ему исполнилось 18 лет. Как писал Курт Воннегут – это была война детей. Детство великого писателя на этом закончилось безвозвратно и навсегда...

Дойл положил бумагу на стол и медленно прошелся по комнате. Франк не видел его лица, но надеялся, что тот в бешенстве, и сейчас это интервью закончится, а вместе с ним и весь кошмар.

– Вы бывали в Ирландии? – вдруг услышал он.

– Нет.

– Тогда откуда вам известно про облака, холмы, ирландские туманы?

– Облака и холмы есть везде, – равнодушно ответил Франк.

– Сколько вам лет, юноша?

– Тридцать.

– Откуда вы все это знаете, черт побери? Я никому этого не рассказывал!

– Обычная судьба заурядной иммигрантской семьи.

Дойл какое-то время молчал, потом спросил:

- Что же, ничего серьезнее в вашей газете, чем писать о зоопарке, вам не доверяли? Были на подхвате?
 - Я сам выбрал эту тему! – вспыхнул Франк.
 - Сами? Зачем? Ничего интереснее не нашлось?
 - Я писал репортаж о жирафе...
- Дойл хрипло засмеялся.
- Да! О жирафе! О том, как его убили!
 - Кто?
 - Руководство зоопарка!
 - Зачем?
 - Он оказался лишним. Некстати родился. За ним некому было ухаживать, негде содержать и нечем кормить.
 - Замечательно!
 - А убили его на глазах детей, которые в этот момент были в зоопарке, а потом служащие при всех разрезали его тушу на части и скормили тиграм.
 - Прекрасно!
- А через два месяца этих тигров тоже убили.
- Почему?
 - Расплодились. Их стало слишком много.
 - А кому скормили их?
 - Детям... То есть, посетителям. Теперь, почти при каждом зоопарке есть ресторан с меню экзотической кухни.
 - Куда можно заранее позвонить и заказать мясо... розового фламинго?
 - Что-то в этом роде.

– Розовый бифштекс!

– С розовой кровью.

– Что же, ваше интервью имело успех, прошло на ура?

– Его не поместили в номер.

– Почему?

– Сказали, что тема неактуальна. Это гуманно – убивать лишних животных.

– Гуманно?

– Ведь мы питаемся мясом свиньи или коровы, почему же нельзя убить носорога или слона?

– Вы согласились с этим?

– Что я мог сделать?

– А что вы сами думаете на этот счет?

– Наверное, они правы.

– И вы стали бы есть того жирафа?

– Я? Нет.

– Почему?

– Потому что у него было имя, потому что его любили, черт возьми, на него ходили смотреть тысячи людей.

– А потом зарезали... Оторвали голову, – пробормотал Дойл. – Скоро они начнут питаться человечиною, и делать это, как само собой разумеющееся.

– Вас так взволновала эта история? – воскликнул Франк.

Дойл ничего не ответил.

– Вас беспокоит судьба животных? А людей?

Дойл испытующе на него посмотрел, продолжая молчать.

– Вы держите меня в заложниках?

– Я здесь не причем. Вы оказались заложником ситуации, не более того... Так. Дальше вы будете писать сами, я буду только предоставлять необходимые факты, а потом проверять... Где вы учились?

– На журфаке.

– Хорошо.

– Что делать с этим? – и Франк показал на лист бумаги с его писаниной.

– Оставьте. Только вымарайте кусок с Куртом. Не трогайте этого парня. Наша история не имеет к нему никакого отношения... Все. На сегодня хватит, ступайте к себе, завтра продолжим, – и он повернулся к стене, где висело множество фотографий.

14

– Я посмотрел ваши каракули за те три дня, которые вы у меня провели. Пишите аккуратнее – невозможно читать! – заявил Дойл.

– Я не могу писать этой ручкой, – вспыхнул Франк. За это время он успел возненавидеть этого занудливого старика и уже с трудом его переносил. Каждый день с утра до вечера они проводили в доме писателя. Никуда не выходили. Даже еду им приносили из ресторана. Ели они на убого обставленной кухне. Во время трапезы старик молчал, равнодушно

ссыдая то, что было в тарелке, и не обращал никакого внимания на Франка. А потом они возвращались в кабинет, где он продолжал наговаривать истории из своей жизни. Иногда Франку казалось, что он потерял счет времени. Он чувствовал себя лучше и уже начал забывать кошмар тех дней. Видимо, то были последствия болезни, – думал он, – а, может быть, пора отсюда сбежать? Уйти, не попрощавшись?!

Но что-то ему подсказывало, что делать этого пока не стоит. И от своего дикого положения он бесился все больше. Так или иначе, во всем произошедшем, несомненно, виноват старик, он знал это точно! Вчера вечером Дойл все перечитал, оставил пару листов и со словами: – К черту детство, к черту проклятую войну, – порвал кипу исписанных страниц, бросив их в корзину, а сейчас грозно на него смотрел и ворчал:

– Вы разучились писать?

– Да. Уже десять лет я печатаю на клавиатуре.

– Учитесь заново.

– Неужели трудно поставить на этом столе компьютер?

– Компьютер? – презрительно буркнул Дойл. – У меня нет компьютера. На кой черт он мне нужен?

– Купите. Неужели вы себе не можете этого позволить?

– Перебьетесь.

– Тогда пишите сами.

Дойл зло на него посмотрел, но ничего не сказал.

– Нет компьютера, нет шариковой ручки... Почему у вас

нет ни одной книги? Пустые полки! Интересно, чьи книги должны здесь стоять? Кто удостоился такой чести?

– Мои, – выдохнул Дойл.

– Ваши? Вы написали что-нибудь еще?

– Нет!

– Нет!? А знаете, вы могли бы поставить сюда свою книжку. Одну! А можно много своих книжек с одним и тем же названием. Получилось бы очень красиво. Сюда их поместилось бы не менее тысячи! Кстати, почему вы больше ничего не написали? И куда вы исчезли на целую жизнь? О вас полвека никто ничего не слышал! Говорили, что вы покончили с собой или куда-то сбежали. А может быть, вы преступник?... Убийца? Да, убийца! Совершили ужасное преступление и скрылись! Как я раньше этого не понял! А теперь и меня втянули в свои дела!

– Сегодня ты слишком разговорчив, Луи. Осмелел? Опережаешь события. Твое дело не болтать, а писать...

– Господин, Рональд Дойл! Вы писатель с мировым именем. Зачем я вам нужен? Вы можете сами все написать, а заставляете это делать меня... Потом все рвете! Это уже не интервью, а целая книга! Мы так не договаривались! Может, пора закончить с этим и все мне объяснить?

– Закончили! Идите.

Франк замолчал, уставившись в стол. Вдруг испуганно пробормотал:

– Куда?... Нет.

– На чем мы остановились?

– На компьютере!

– На чем в прошлый раз мы остановились? – сухо повторил Дойл.

– На звонке из редакции.

– Пишите...

Этот звонок для него стал полной неожиданностью. Ему предлагали прийти в редакцию и поговорить о сотрудничестве. К этому времени он уже успел написать несколько десятков рассказов, которые иногда покупали местные газеты, но говорили почему-то о книге. Романов он не писал, и о какой книге шла речь, не понимал. Может быть, они хотят издать сборник? Все это до него дошло, когда он повесил трубку.

На такси он добрался до окраины города, с удивлением обнаружив большое круглое здание, которое сиротливо стояло на пустыре. Других строений здесь не было. Он и не догадывался, что в их городе есть такое современное большое здание. Оно напоминало стадион с множеством входов. Он медленно зашел в подъезд, над которым висела табличка:

“Новая литература”.

Его встретил молодой человек. Он выглядел немногим старше его. Мужчине было около тридцати. Тот с улыбкой предложил присесть, и долго, молча его разглядывал. Наконец воскликнул:

– Так вот вы какой? Совсем еще юный господин. Что же, это даже лучше. Надеюсь, мы быстро найдем общий язык. Меня зовут Майкл. Давайте сразу же перейдем к делу. Мы хотим напечатать вашу книгу.

– Хорошо. Какие рассказы туда войдут? Вот все, что я написал, – и он положил на стол папку со своими работами.

– Нет! Мы будем печатать ваш роман! – весело отозвался тот.

– Но у меня нет романов, я писал только рассказы, эссе, фельетоны...

– Будет! Вы напишете роман, а мы его напечатаем!

Он с удивлением посмотрел на Майкла.

– А почему вы остановили свой выбор на мне?

– Я читал в газете ваши рассказы.

– Но я пока неизвестен. Вы готовы вложить деньги в...

– Да! Это очень хорошо, что вас не знают. Мы начнем с нуля. Очень скоро вы станете популярным писателем, а этот роман принесет вам славу. Главное, что вы чертовски талантливы, остальное наша работа.

– Но у меня пока нет замысла для большого романа.

– Он есть у нас.

– Я буду писать на заказ?

– Да!

– Но я привык писать только то, что хочу. Говорить о том, что меня волнует. Это мой принцип!

– Сколько вам платили за рассказы местные газеты?

– О!.. Десять... Нет! Тридцать долларов!

– Мы заплатим пятьсот! Кроме того, с продаж тиража вы будете получать процент. По рукам?

– Да!!!

Таких денег в своей жизни он еще не видел.

– А как же принципы? – засмеялся Майкл. – Я не хочу нарушать ваших правил. У вас свои представления о творчестве, не так ли? Мы можем обратиться к кому-нибудь еще...

Рональд покраснел, но быстро ответил:

– Ничего страшного. Я готов к работе!

– Вы готовы на все?

– Да!

– Что же, подпишите договор и начнем... А если вам не понравится тема, если вы не примете ее?

– Я приму все, что вам нужно. Вы сами сказали, что я талантлив, а значит смогу написать и телефонную книгу хорошим литературным языком. Устраивает?

– Это деловой разговор! – и Майкл протянул договор.

– Но тут написано имя Рональд Дойл? Здесь какая-то ошибка!

– Никакой ошибки! С этой минуты вас зовут Рональд Дойл!

– Но...

– Или что-то не устраивает? Вы же сказали, что готовы на все!

– Да!!!

– Вот и хорошо! – засмеялся Майкл. – А свое имя забудь-те. Оно вам больше не понадобится никогда!

– Дайте мне! – сказал Дойл. Он увидел, что Франк закончил писать и потребовал у него рукопись.

– Держите. Можете рвать.

– Рвать? – пробубнил Дойл, читая. – Какая мазня!.. Нет, это мы рвать не будем.

– А как вас звали на самом деле?

– Не важно!

– Я беру у вас интервью! Почему вы не хотите мне сказать?!

– Не помню, забыл... Так, это мы оставляем... Продолжим!

– А теперь перейдем к главному! – воскликнул Майкл, вставая из-за стола. Он медленно прошелся по комнате, немного помолчал, собираясь с мыслями, потом энергично заговорил:

– Это будет непростой роман. Главный герой будет шагать по жизни с широко открытыми глазами, и смотреть по сторонам, словно видит все впервые! Здесь будет и любовь, и страсть, отношение мужчины и женщины. Семья. Да, черт возьми, семья. Матери, братья и сестры. Тот маленький мир, в котором мы рождаемся и живем. Рели-

гия. Человек будет ходить по огромному городу, величиной с планету, и смотреть, как золотятся на солнце купола, как отбрасывают тени величественные готические соборы или буддистские храмы, где тысячи, миллионы страждущих молятся своим богам. Будет детство и юность, отрочество, зрелость и старость. Школа! Непременно школа, как колыбель, откуда мы выходим обновленными, прозревшими, и смело, уверенно шагаем по жизни. На страницах вашего романа должны пасть слоны, на которых зиждется вся наша жизнь. Их соберется огромная стая, великое множество, и эти благородные животные будут смело шагать, сменяя все на своем пути.

Майкл ненадолго замолчал, бросив взгляд на Рональда.

— Вы меня понимаете?

— Сказка!

— В каком-то смысле — да. Мне все равно, какой вы придумаете сюжет. Главное, чтобы ваш герой оказался совершенно голым, раздетым, с обнаженной ранимой душой. Он должен с удивлением взирать на все, словно видит это впервые. На каждой странице он должен делать для себя открытия! Каждый день станет для него откровением. Тогда история оживет и засверкает... Ну что, Рональд! Вы понимаете меня? Это вам не фельетоны писать или эссе. Справитесь?

— Ну, ... я не знаю, — он с восхищением смотрел на Майкла. Он любовался этим молодым, симпатичным человеком,

который был удивительно заразителен. И это настроение передалось ему.

– Не знаете? – воскликнул Майкл.

– Да! Конечно! Справлюсь!

– Вот! Это то, что я хотел от вас услышать! Дорогой, Рональд Дойл, начинайте писать прямо сегодня..., нет, уже вчера! Этот роман именно сейчас, как никогда, нужен людям. Пора раскрыть их сердца и посмотреть на мир другими глазами. А ваш герой им в этом поможет!

Он немного помолчал и уже спокойнее произнес:

– Даю вам срок неделю... Нет! Три дня! За это время вы придумаете сюжет, определитесь с фабулой и сделаете первые наброски. Что побудило главного героя вести себя так, с какого дерева он свалился, что с ним случилось – я не знаю. Это ваши фантазии. Но, он должен стать ребенком, о котором я вам только что рассказывал. Это главное! Ровно через три дня я вас жду!..

Вдруг громко выкрикнул:

– Что же вы сидите? Время пошло! За работу, мистер Дойл! Мистер, Рональд Дойл!!!

– Закончили? – снова слышал Франк противный скрипящий голос. Старик коротко пробубнил эту историю, потом всего на несколько минут оставил его, но вот его высокая фигура снова нависла над столом.

– Нет! Не успел!

– Торопитесь!

– Куда? – не понял Франк.

– У нас мало времени!

Спорить с ним было бесполезно и Франк пробурчал:

– Еще пару фраз.

Через мгновение он отдал рукопись Дойлу. Тот мельком пробежав глазами текст, воскликнул:

– Дальше!

– Я устал.

– Работаем, черт вас подери!

– Хорошо, – согласился Франк.

Ночью Рональда разбудил звонок телефона. Он с удивлением поднял трубку и услышал бодрый голос Майкла.

– Ну, что?

– Что? – не понял Рональд.

– Как, что? Вы придумали сюжет?

– Но не прошло и суток! Вы мне давали три дня!

– К черту три дня! У нас мало времени! Есть какие-то мысли?

– Ну, ... в общем, да.

– В общем или да?!

– Да, мистер Майкл!

– Через десять минут у подъезда вас будет ждать машина. Спускайтесь!

Он посмотрел на часы. Было половина первого. Поспать

удалось всего пару часов. Рональд быстро оделся и, ничего не понимая, выскочил на улицу. Он был крайне озадачен. Через мгновение появилась большой черный лимузин. На таких он раньше не ездил. Короткий маршрут через весь город, который безмятежно спал, и вот показался знакомый пустырь, а на нем здание огромных размеров. Что было удивительно, окна почти всех помещений светились. По-видимому, тот, кто здесь работал, не спал никогда.

– Рассказывайте! – с порога воскликнул Майкл. Несмотря на позднее время, он был весел, энергичен и бодр. Он заразил своим оптимизмом, и Рональд моментально забыл об усталости и бессонной ночи.

– История такая! – начал он. – Некий господин... Нет, не господин... Совсем еще молодой человек попадает в удивительную историю. Для него наступают тяжелые времена. Такое случается – это называется черной полосой. Его безжалостно гонят с работы, по нелепой случайности он ссорится с женой, уходит из дома, оказывается на улице, и наконец его грабят, забирая последние деньги, которые были у него в кармане...

– Замечательно! – воскликнул Майкл, – продолжайте.

– Он один, у него нет друзей, родные живут далеко, в другом городе, в другом штате, но помочь они ему вряд ли смогут, поскольку сами считают последние центы. Да и денег на дорогу у него нет. Так, еще совсем недавно успешный человек, становится бездомным бродягой. День и второй, неделя

и другая. Он на краю пропасти. Он с таким трудом закончил колледж, получил образование, но найти работу не так просто. И вот уже объедки у ресторанов и скамейки в парках, где он проводит ночи. Что делать? Покончить с собой? Он уже готов на это, остается только решить, как это сделать? Но вдруг останавливается и начинает размышлять. Начинает задавать себе вопросы, на которые раньше не отвечал, просто не хотел! Кто он? Зачем он здесь? Зачем все это?... Человек шагает по своему городу, по стране, по большой круглой планете, снова и снова спрашивая себя – зачем?!!! Нет, он не сломлен! Теперь он с трепетом ценит каждое мгновение, с удивлением понимая, что где-то есть Бог, который непременно поможет, знает, что где-то есть мать и отец, семья. Им тоже не просто. Он не хочет быть им обузой, но теперь он стал другим. Он любит свою жену, понимая, как незаслуженно ее обижал, был несправедлив. Вспоминает голодное детство и юность, потом работу, семью. Учебу! Ничего прекрасней тех лет, что провел в школе – у него не было. А эти зануды-учителя! Как он их ненавидел, но теперь все отдал бы за то, чтобы посидеть хотя бы час за партой, переброситься с девчонкой запиской, сходить с ней в кино. А потом первая любовь. Потом вторая и третья. Он был красивым парнем, его любили, он был баловнем, и все ему удавалось, только этого он не ценил. И сейчас, сидя на скамейке в парке под одиноким фонарем, он это понял. А неподалеку возвышается храм. Вели-

чественный собор тяжёлым набатом возвещает о начале службы, и человек устремляется туда. И вот, стоя среди тысяч, миллионов людей, ощущая их тепло, дыхание, стук сердец, сливающихся в унисон, он чувствует себя не песчинкой, и уже знает, что не зря пришел в этот мир. И люди эти не зря находятся здесь. Сейчас в этом удивительном храме все были вместе. А орган зыбким звучанием, благородно и торжественно вторил этим мыслям – большие ты не один. И иконы, освященными ликами, взирали, придавая уверенность и силы. Большие ты не один! И таким, обновленным, он выходит из святилища, словно побывал в раю. Солнце ему улыбается, повсюду нарядные люди, теперь они кажутся такими родными, близкими, и в этот миг он чувствует невероятную силу, понимая, что все у него впереди! А вон и его жена. Она скромно стоит неподалеку и ждет его! Такая родная, такая близкая... И тогда он...

– Покончил с собой? – и Майкл дико захохотал.

– Что? – не понял Рональд. Он смотрел на него выпученными глазами. – Вам не понравилось?

– Я пошутил!.. Нет, правда! Вы молодчина, Рональд Дойл! А я был уверен в вас! Я и не сомневался!

Он подошел и крепко пожал ему руку.

– Можете не продолжать, идея мне понятна, вы на верном пути... Поедьте! – вдруг громко воскликнул он.

– Куда?

– Не важно! Вам не все равно?

– Совершенно все равно! – ликовав Рональд. Этот удивительный Майкл заражал его, он дарил удивительную энергию, силу, ему было с этим парнем хорошо, весело и голова кружилась. Если у его героя черная полоса только начиналась, то у него сегодня она закончилась навсегда. Он пишет книгу, ему заплатят сумасшедшие деньги, а еще у него появился замечательный друг. А больше ничего и не нужно...

– Оставьте это. На сегодня все, – проскрипел Дойл. Франк встал и устало побрел к себе в комнату. Вдруг остановился.

– Зачем вы упомянули историю, которая случилась недавно со мной?

– Такая история может случиться с каждым... – вдруг зло на него посмотрел. – Вы что, не читали мой роман? Вы же сказали, что сделали это!

– Я пролистал. Ознакомился...

– Ознакомились? – заорал Дойл. – Вы идете брать интервью у великого писателя и изволите не читать его роман? Дилетант! Мальчишка! Вы профессионально непригодны! Нужно бы сообщить вашему редактору!

– Некому сообщать. Меня уволили...

– Уволили, – пробормотал Дойл.

– Так дайте мне его! Я не смог найти вашу книгу ни в одном магазине! Вас забыли, Рональд Дойл! Давно забыли!

– Забыли, – успокоился Дойл. – Нет его у меня.

– Как, нет?

– Нет и все!.. Так! Идите!.. Пройдитесь, – вдруг услышал Франк.

– Пройтись? – неуверенно переспросил он.

– Да-да, пройдитесь. Что вы здесь сидите? Сходите в кино, покатайтесь на трамвае, выпейте пива, черт возьми! Погуляйте по городу!

– Я не знаю, – пробормотал Франк.

– Луи, вы мне надоели, идите к черту, покатайтесь на карусели, сегодня вы мне больше не нужны... Деньги остались?

– Деньги?

– Свободны! Завтра продолжим. Все!

15

Он вышел из дома и замер у входной двери. Потом стоял, робко озираясь, и не знал, что делать. Вдруг махнул рукой, и через мгновение свободное такси остановилось рядом. Хотел было сесть в машину, но задал водителю вопрос:

– Месье, вы принимаете французские франки?

В ответ услышал громкий хохот и узнал таксиста. Значит, все это был не сон. Кошмар продолжался.

– А город этот называется Париж! – ликовал тот. – Месье из Шапито?! Садитесь. Пора бы сменить шутку! В следующий раз спросите у меня про дукаты или луидоры, – и снова захохотал. Наконец успокоился, вытирая слезы:

– Туда же?

– Простите? – не понял Франк. Потом вспомнил и про-
бормотал:

– Почему бы и нет.

– А адрес этого дома вам еще раз записать? – и снова за-
смеялся. – Чтобы вы не заблудились!

– Нет, спасибо, он у меня сохранился.

Жоан дома не было. Франк несколько раз позвонил в дверь, но в ответ тишина, и он облегченно вздохнул. Его неудержимо тянуло сюда, к этой незнакомой женщине, но он представить себе не мог, что ей скажет. Несмотря на это, выйдя из дома, он уселся на скамейке у подъезда и зачем-то стал ждать.

Ждал долго, озираясь по сторонам. Уже забыл, что делает здесь, с удивлением наблюдая за людьми. Они были, словно с другой планеты, размеренно передвигались по улице, многие улыбались, разговаривая друг с дружкой, что редко встретишь в наши дни в толчее и сумятице огромного мегаполиса. А эти никуда не торопились. Да и толчеи здесь не было никакой.

– Это вы? – услышал он и от неожиданности вздрогнул. Перед ним стояла Жоан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.